

**ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН**

**ВРЕМЯ
НАСТУПАЕТ**

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Время наступает

«Владимир Свержин»

2007

Свержин В.

Время наступает / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2007 — (Институт экспериментальной истории)

Новые приключения сотрудников Института Экспериментальной Истории!
В игру вступает новый агент – мастер боевых искусств Руслан Карханов по прозвищу Кархан, под легендой скифа-телохранителя работающий при дворе вавилонского Балтасара. Перед вами – крайне необычное дело о подозрительной огненной надписи, возникшей на стене пиршественной залы. «Мене. Мене. Текел Упарсин!» Время наступает! Какое время? Когда наступает? И вообще – можно ли доверять переводу ловкого юного авантюриста, нахально выдающего себя за пророка Даниила? Кархан, заинтригованный бойкостью Даниила, решает понять, с кем все-таки имеет дело... и приходит к совершенно неожиданным выводам!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Владимир Свержин

Время наступает

*Самое невероятное чудо есть уникальная сумма очевидностей.
Первый постулат теории невероятности.*

Пролог

*В жизни в отличие от казино можно делать ставки все время,
покуда вертится наш шарик.*

Смок Белью

Золоченые стрелки на циферблате массивных дубовых часов конвульсивно подрагивали, не трогаясь, впрочем, с места. Теплые, несколько мрачные тона мореного дуба, из которого был изготовлен покрытый затейливой резьбой футляр хронометра и прочая наличествующая в кабинете мебель, приглушали льющееся из многоваттного светильника электрическое сияние. Кабинет Джи. Эр. Эр. – председателя правления Международного Института Экспериментальной Истории – вообще отличался монументальностью, за которую кто-то из институтских остромцев окрестил апартаменты высшего руководства пирамидой Хеопса. Название прижилось.

Пожалуй, электрический свет казался здесь неуместным, излишне ярким. Но все же свечи в канделябрах, столь милые сердцу его превосходительства, господина председателя, были принесены в жертву научно-техническому прогрессу. Попытки наладить часы Джи. Эр. Эр. отвергал с гневной категоричностью. Возможно, он видел в подергивающихся стрелках высокий символ деятельности самого Института, а может, просто упорствовал из-за врожденного британского консерватизма.

Леди Эрмен, секретарша босса, проведшая без малого четверть века в приемной и оттого чопорная и строгая, точно классная дама пансиона благородных девиц, тихо постучав, открыла массивную дверь:

– К вам лорд Баренс, сэр.

– Пусть войдет, – отвлекаясь от исписанных листов, коротко распорядился Джи. Эр. Эр. Его лицо, кажется, самой природой созданное для монументальной скульптуры, обрело вид точь-в-точь, как у Тарквиния Гордого, прижимающего к ногтю римский сенат.

Посетитель был ему давно и хорошо знаком.

В недавнем прошлом он слыл одним из лучших стационарных агентов. Потом – яркой звездой отдела разработки. Далее вновь была агентурная работа и... внезапное исчезновение! Едва ли не бунт, в который он не преминул вовлечь и группу оперативников, посланных ему на помощь в один из ближних сопределов, ко двору русского царя Ивана Грозного!¹ Правда, созванная по требованию «мятежников» специальная комиссия скрепя сердце подтвердила правильность действий агента Баренса в силу радикально изменившейся ситуации. Баренс во всей красе явил миру свой талант аналитика, но не все в Институте пришли в восторг от его вольнодумства.

«Победителей не судят», – заявил при разборе дела представитель королевы в Институте Джозеф Рассел – XXIII герцог Бэдфордский.

¹ Подробнее читайте в книге В. Свержина «Железный Сокол Гардарики».

И победитель с почетом, без лишнего шума, был возвращен в недра отдела разработки, где он был встречен как герой, овеянный легендами, и где разнообразным талантам лорда Баренса нашлось достойное применение.

И вот теперь он входил в кабинет, один из немногих, кто стоял у истоков Института и помнил Джи. Эр. Эр. еще не Хеопсом, а молодым талантливым ученым, разрабатывающим основы хронополиорбической теории.

– Проходите, Джордж, садитесь. – Председатель задумчиво окинул взглядом старого знакомого и указал на обитое серебристым атласом кресло.

Лорд Баренс с неподражаемой грацией прирожденного царедворца опустился на тускло поблескивающий атлас, дожидаясь, когда хозяин апартаментов огласит причину вызова из недр.

– У меня к вам просьба, милорд, – медленно шевеля губами, точно с усилием, как и подобает живому монументу, проговаривая каждое слово, произнес Джи. Эр. Эр., – просьба весьма щекотливого свойства.

– К вашим услугам, сэра, – с учтивой и непринужденной улыбкой, как подобает истинному вельможе, склонил голову бывший «стаци».

– Прошу вас не афишировать то, что вы сейчас услышите. Будет лучше, если об этом деле будет знать как можно меньше людей.

Лицо Баренса ни на йоту не утратило обычной приветливой любезности, но сквозь вальяжный глянец проступило нечто определенно хищное. Так в холеных перстах аристократа внезапно проявляется цепкая хватка ловкого фехтовальщика.

– Что вы могли бы сказать об Уолтере Камдейле и Сергее Лисиченко?

– Это зависит от того, что вас интересует, сэра, – осторожно начал лорд Джордж.

– Я хотел бы услышать ваше мнение о них, – перебил его Джи. Эр. Эр.

– Они, несомненно, из лучших оперативников Института.

– С этим трудно не согласиться, да никто в здравом уме и не станет оспаривать вашей оценки. Но как бы вы прокомментировали вот это? – Хозяин кабинета открыл ящик и выложил на полированную столешницу десяток книг в ярких обложках.

– Несомненно, это книги, – невозмутимо и моментально отреагировал его собеседник.

– Очень верно подмечено. – Мраморное лицо председателя институтского правления невольно тронула улыбка. – Однако прошу вас посмотреть внимательнее. Вы ведь хорошо знаете русский язык. Полагаю, сие произведение, – он указал на том с названием «Железный Сокол Гардарики», – будет вам особенно интересно.

Лорд Баренс открыл книгу, и чем более в нее вчитывался, тем менее удавалось ему скрыть изумление.

– Но ведь это...

– Да, да, мой друг. Это книга о ваших, скажем так, неоднозначных деяниях с Лже-Рюриком II. Как вы могли заметить, рассказ ведется от лица Камдейла. Я весьма сомневаюсь, что он ни с того ни с сего решил нарушить запрет на распространение информации о деятельности Института, да еще и опубликовать свои воспоминания в России. Но, как видите, книга перед нами.

– Вы предполагаете, что автором книг может быть Лис? Простите, – поправился его собеседник, – Сергей Лисиченко?

– Не знаю, – пожал плечами председатель, – и, честно говоря, не желаю в этом разбираться. Этим пусть занимается служба безопасности!

– Но здесь сказано, что это научная фантастика, – постарался обелить друзей Баренс.

– Фантастика – это, конечно, хорошо. Полет ума, светлые идеи и далее, в том же духе...

Но сегодня на внешнем периметре, – выждав паузу, неспешно проговорил Джи. Эр. Эр., – охрана задержала некоего Яноша Урри. И это уже не фантастика, а реальный факт.

– Поляк?

– Литовец, но к делу это не относится. Поверьте, задержать его было отнюдь не просто. В нем 310 фунтов веса при шести с половиной футах роста. К тому же он чемпион Балтии по историческому фехтованию. Если верить его словам, молодой человек поехал во Францию учиться в Сорбонне. Но вместо того, чтобы просиживать штаны, постигая книжную премудрость, он решил завербоваться добровольцем в Институт. Такая вот проза жизни.

– Но как он нас нашел?

– Кое-где в этих книгах, – надменно поджав губы, Джи. Эр. Эр. постучал длинным пальцем по яркой обложке, – есть определенные намеки на месторасположение Института. А дальше – упорство и сообразительность. Ни в том, ни в другом нашему заморскому гостю отказать нельзя. Как бы то ни было, вопрос, депортировать ли господина Урри или зачислить стажером, пока открыт. Слава Всевышнему, пока мы имеем дело с единичным фактом. Но если благодаря этим романам вокруг периметра выстроится толпа волонтеров, желающих дебоширить в сопредельных мирах – а ничем иным, судя по текстам, наши сотрудники не занимаются, – на работе Института можно будет поставить крест. Большой-пребольшой.

– Чем же я могу этому помешать?

– Здесь мы подходим к главному. – Джи. Эр. Эр. решительным жестом отодвинул книги в сторону, едва не сбрасывая их на пол. – Вы, конечно же, слышали пословицу: «Громче всех кричит об отсутствии дьявола сам дьявол».

– Разумеется, – неспешно склонил голову его собеседник.

– Нам, а вернее сказать, вам, предстоит действовать по подобному принципу. Полагаю, в архиве найдется множество дел, которые при известной обработке вполне могут сойти за научную фантастику. Чем фантастичнее, тем лучше. С вашим-то талантом, Джордж, мне ли вас учить! Насколько я помню, вы по-прежнему один из лучших специалистов в Англии по созданию легенд для агентов всех уровней. Сделайте одолжение, Институт вновь должен стать легендой, мифом, фата-морганой!

– Можете считать, сэ, что это уже сделано! Через три месяца книга будет лежать на этом столе.

Глава 1

*Все дороги идут из прошлого, но не все ведут в будущее.
Всемирный атлас больших дорог*

Серый песок, раскаленный днем так, что обжигал ноги даже сквозь кожаные подошвы сандалий, милостью бледного бога Сина теперь остыл и даже почти не шуршал под гудящими от усталости ногами. Пустыня была ровной, точно ячменная лепешка, снятая с раскаленного бока тандыра – вкопанной в землю хлебной печи. Пыль, взметаемая проснувшимся чуть свет ветром, днем копила жар, обжигая своим прикосновением.

Намму брел, по щиколотки увязая в песчаном море, стараясь разглядеть вдалеке хоть какой-то намек на человеческое жильё. Днем он уже видел стены домов, притаившихся в тени финиковых пальм, и, невзирая на боль и усталость, долго бежал к ним, пока окончательно не выбился из сил и не упал, вспугнув притаившуюся в пыли кобру. Намму лежал, чувствуя лицом, как перекачивается, обтачивая кожу, вечно текущий песок, и кровь стучала у него в висках, словно могильщик, лениво ковыряющий заступом в каменистой почве яму для его последнего ночлега. Когда же Намму оторвал наконец лицо от раскаленного песчаного противня, горизонт был чист, и только пара ухеелей – мелких драконов-падальщиков кружила над ним, высматривая, достаточно ли мертва добыча. Намму, вспомнив мерзкий, крючковатый, острый, словно обсидиановый скол, клюв ухееля, сотню его мелких зубов, в клочья раздирающих еще теплую плоть, с омерзением вскочил на ноги и что есть сил замахал руками. Драконы недовольно спикировали, едва не цепляя крыльями его лицо, и унеслись прочь искать менее суматошный обед.

С той поры он шел и шел, не чувствуя ни боли, ни усталости.

Унылая равнина на горизонте сменилась выщербленной, точно старый нож, полоской далеких холмов. Намму заплакал, растирая по щекам едкую влагу слез, удивляясь, что ему есть еще чем плакать, и чувствуя, что спасен. Там, на холмах, росли деревья, в тени которых наверняка ютились глиняные хижины пастухов и тех, кого царь Валтасар, сын Набонида, великой милостью своей не стал лишать жизни за совершенные преступления, а лишь изгнал на границы своих земель. Намму знал, что здесь эти люди зачастую сбиваются в шайки, чтобы грабить идущие в Вавилон караваны. Но ведь он не караван, кому нужны его лохмотья?! К тому же смерть от меча или стрелы казалась ему предпочтительнее гибели в безбрежной песчаной жаровне. Мог ли теперь он рассчитывать на что-то лучшее?

С тех пор как месяц назад ворота Ниневии захлопнулись за его спиной и стражники, положив оперенные стрелы на витые тетивы луков, бдительно следили, чтобы он бежал от городских стен без остановки, кого интересовала его участь? Кого занимала судьба жалкого фигляра, забавляющего базарную толпу фокусами и трюками, а чаще не брезгующего ни чужой монетой, ни хитроумным обманом простофиль... Справедливость восторжествовала!

Намму закусил до крови губы и прибавил шаг.

«Я спасен! – праздничным барабаном стучало в его голове. И эта мысль была, точно ветер, выдувающий затхлость и сор. Все мрачные опасения улетучились вмиг, точно не было их вовсе: – Я спасен! Быстрее! Быстрее!»

Наконец Намму добрался до огромных валунов, вроде тех, о которых рассказывал заезжавший в Ниневию с товаром грек-иониец. Он говорил, что на островах его прародины живут громадного роста чудовищные люди с единственным глазом посреди лба и что эти ужасные страшилища мечут в приближающиеся корабли такие вот камни, желая отправить на дно тех, кто дерзнул нарушить уединение киклопов, как он их называл.

Намму без сил опустился наземь, прислоняясь спиной к прохладному обломку скалы, и невольно усмехнулся. Быть может, впервые за последние недели. То, что в далеком море было призвано нести гибель, здесь, в море пустынном, обещало ему жизнь. Но едва коснулся он земли, поросшей невысокой хилой травой, как явственно услышал поблизости угрожающий скрежет челюстей одного из вездесущих ухеелей. Затем раздалось хлопанье зазубренных кожистых крыльев – падальщик отгонял от добычи нежеланного гостя. Намму подхватил лежащий неподалеку булыжник и вновь поднялся на ноги. Ухеели трусливы и не нападают, видя, что жертва выше их ростом. Правда, обычно они держатся парами, так что всегда можно ожидать нападения со спины. Однако, яростная защита заставляет зубастых трупоедов улепетывать, не слишком упорствуя в желании одолеть столь крупную и беспокойную добычу.

Намму обошел огромный валун, держа руку с камнем на отлете, готовый в любой миг опустить свое весомое оружие на костистую в крупных шипах голову дракона. Чувя приближение двуногого, падальщик все сильнее скрежетал зубами и возмущенно фыркал, выпуская зловонное дыхание из упрятанных под кожистыми наростами ноздрей. Наконец человек увидел ухееля вблизи. Тот был стар и одинок. Бросив грызть лежащее на земле тело, он жался к скале, не желая вступать в бой и в то же время сознавая, что, возможно, больше ему никогда не опередить своих более молодых и ловких сородичей и, стало быть, никогда не видеть желанного куска мяса. Намму потряс над головой занесенным камнем и громко крикнул, отгоня падальщика. Сейчас он сильно пожалел, что не имеет с собой копья. Кожа с головы и шеи дракона высоко ценится доспешными мастерами. Нет ничего лучше для изготовления поножей и оплечий. Ни меч, ни стрела не возьмет их. Но взлетающего ухееля несложно поразить копьем в брюхо, где кожа мягче всего. Возможно, чувствуя недобрую мысль, шипоголовый летун бросил на чужака полный ненависти взгляд ярко-алых глаз и тяжело взмыл в едва светлеющее небо.

Намму перевел глаза с дряхлеющего стервятника на его неподвижную добычу. Это был мужчина средних лет, возможно, даже сверстник Намму. Нога его была вывернута и нелепо торчала в сторону. Вероятно, несчастный не удержался на склоне и, упав, сломал колено. Одежда его – длинная рубаха, подпоясанная кушаком, была грязна и местами разорвана. Намму опустился перед трупом на колени и начал развязывать кушак в надежде отыскать припрятанные монеты. Он напоминал себе старого ухееля, все еще кружившего над ним.

Монет в кушаке не оказалось. Да и сам пояс уже никуда не годился. Намму тихо выругался сквозь зубы и полез в лежавшую поодаль суму: ячменная лепешка, тыква-долбленка. Он поднес ее к уху и встряхнул – внутри еще плескалась вода. Забыв обо всем, Намму зубами вынул пробку и жадно припал губами к краю фляги. Наблюдая за обидчиком, ухеель с возмущенным клекотом отгонял того, кто лишил его законной трапезы, а теперь еще и не спешил воспользоваться ею сам. Этих драконов не зря именовали псами Таммуза.² Их мощные челюсти способны перемолоть любые кости. Вцепившись в жертву, они съедают её без остатка, чтобы потом доставить душу умершего в царство мертвых, Шел, где, по преданию, они обитают.

Намму отложил в сторону опустевший сосуд и вновь сунул руки в суму: пергаментные свитки и папирусы – ничего полезного. Впрочем, он вздохнул, быть может, в богатом Вавилоне и на этот товар найдется купец. Он перекинул суму через плечо и вновь усмехнулся.

Съеденное приятно тяготило желудок. Хотя, признаться, подобных лепешек он мог проглотить еще так штук пять, и хорошо бы не таких сухих и твердых, как обветренный камень, а мягких и свежих, только-только с горячего бока тандыра. Но как бы то ни было, двигаться стало легче, и сейчас он торопился дойти до ближайшего пастушьего жилища, покуда солнце хищным глазом не глянет вниз из зенита. Мог ли он подумать еще пять лун назад, что так вот

² Таммуз – бог царства мертвых в Вавилоне.

будет влачиться по пустыне к обглоданным каменным ошметкам гор в поисках самого малого: еды, воды и убежища. Совсем недавно жизнь казалась ему если не беззаботной, то определенно забавной.

С тех пор как персы, вкупе с вавилонянами, разрушили его родную Ниневию, минуло уже более семидесяти лет, и город понемногу оживал, вновь наполняясь купцами и приезжей знатью, как выздоравливающий больной прежними силами. Конечно, теперь это была совсем не та Ниневия, о которой рассказывал отцу его дед. Теперь и следа не осталось от златопылающей столицы грозной ассирийской державы. Но память о временах невиданного богатства и могущества была еще жива, и – глаза Намму сузились, в уголках их появились острые лучики – и ему от былой славы перепадали немалые доходы. Еще недавно Намму считался халдейским жрецом-магом, посвященным во многие тайны, которые он хранил тем неукоснительнее, что на самом деле не ведал ни одной.

К чему ему были все эти секреты бытия, созерцание хода светил и познание души камней и знаков. Местные жители и без того верили его рассказам о путешествии в мир теней, где души умерших открывали ему сокровеннейшие тайны, на ходу придуманные им самим.

Не так давно в окрестностях Ниневии он встретил богатого перса из свиты самого Кира Великого. Тот, прослышав о славе халдейского мага, поинтересовался, не поведали ли духи ассирийских царей минувшего, где схоронены их несметные сокровища. Легенды о спрятанных в последние дни перед нашествием мидийцев горах золота и драгоценностей Намму слышал с детства. Однако видеть воочию кого-либо из тех, кто нашел хоть что-нибудь действительно ценное, ему не доводилось.

«Конечно», – ответил на вопрос Намму, придавая лицу вид мрачной загадочности. Он не ведал точно, где спрятаны сокровища, но то, что они есть и воистину бессчетны – сущая правда. От луны до луны знатный перс кормил Намму изысканными яствами и поил хиосским вином, а он между тем содержательно проводил время в общении с духами и в подготовке к решающему действию.

Однажды утром, сидя в тени пальмы, потягивая вино из золотой чаши, он, подозрительно оглядевшись по сторонам, тихо объявил заказчику, что дух Тиглат-Паласара III открыл ему тайну заветной сокровищницы. Сам Намму не может туда идти, ибо такова была воля духа. Но за вознаграждение готов указать персу местонахождение тайника. Он даже отвел того к расщелине в скале, сквозь которую в глубине пещеры были видны кожаные мешки, наполненные монетами, драгоценная утварь и блистающие камни. Перс без промедления выдал ему требуемую сумму и, отмахнувшись от предостережения, что духи надежно стерегут свои клады, зашагал к указанному проводником тайному лазу. Его не было два дня, как, впрочем, и Намму. Когда же охотник за сокровищами мертвецов наконец увидел солнце, руки его тряслись и голова была абсолютно седой. Он не пожелал рассказывать, что видел в подземелье, и вскоре покинул Ниневию.

Во всех деталях о том, что ждало несчастных в пещере, мог бы поведать сам Намму, но и он хранил молчание. Расплатившись с друзьями и знакомыми за взятые у них блюда и кувшины, он стал поджидать новую жертву.

За вечерним пивом в харчевне у рынка он порою невзначай проговаривался, что горы золота лежат буквально под ногами, но, увы, все никак не сыщется смельчак, готовый их достать. Смельчаки тут же находились и аккуратно платили за пиво, обед и за то, что жрец укажет им путь к вожделенному сокровищу. Обрато халдейский маг провожал их уже абсолютно бесплатно, несолоно хлебавших и изрядно утративших веру в собственную храбрость. Все было прекрасно, покуда не явился этот...

Как говорил старик-отец: «Намму, делай все, что тебе заблагорассудится, но пусть те, у кого в руках власть и сила, глядят сквозь тебя. Помни, что полуденную тень не сечет бич и не волнует царский указ!»

Он не додумал начатую мысль. Пестрая вереница минувших дней, растаяв, уступила место дню нынешнему. Над рощей смоковниц, видневшейся чуть поодаль, вился сизоватый дымок, какой обычно поднимается над костром, когда пастухи поджаривают на вертеле молодого барашка. Голодный демон в желудке плотоядно заурчал и впился когтями в нутро, стараясь вывернуть его наизнанку. Намму заторопил в отчаянной надежде присоединиться к утренней трапезе.

Накормить и напоить странника – непреложный закон приграничья. При этом никто и никогда не станет расспрашивать у гостя, откуда тот прибыл и куда держит путь. Быть может, именно строжайшему соблюдению этих простых, но самой жизнью продиктованных законов и обязаны пастухи безопасному сосуществованию с двуногими волками и бескрылыми коршунами.

Путь к костру не занял много времени. Вскоре меж ветвей замаячило обложенное камнями огневище. Вокруг него в расслабленных позах лежало несколько человек. Намму остановился и насторожился. Что-то не так. Не похоже, чтобы пастухи так увлеклись созерцанием пляшущей в пламени саламандры, что не видят и не слышат ничего вокруг. Что-то не так! Он настороженно огляделся, прислушиваясь и силясь понять, что заставило тревожно биться его сердце. Ну конечно! Тишина. Ни лая собак, ни звука голосов, ни блеянья овец в загоне. Он приблизился, осторожно ступая, стараясь не спугнуть хрустом сухой ветки нависшую тишину.

От картины, открывшейся его взгляду, Намму передернуло. Он судорожно прикрыл рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Все пастухи как один были мертвы. В груди каждого из них торчало по длинной легкой тростинке с золотисто-красным оперением. Намму выдернул одну из них. Угловатый бронзовый наконечник хищно блеснул, выпуская кровь из раны. «Персы», – чуть слышно проговорил изгнанник, вновь оглядываясь по сторонам.

«О, Мардук, владыка судеб, многомудрый и справедливый! Чем же могли не угодить царю царей и попирателю непокорных бедные пастухи?» Над головой вновь раздался до отражения знакомый недовольный скрежет вечно голодных ухеелей. Он задрал голову. Парочка крылатых обжор кружила над кострищем. Вдали, оттуда, где, по его расчетам, тек Евфрат, неслись еще два трупоеда. Намму знал, что обычай велит обложить камнями мертвые тела, ибо души тех, что попадают в чертог Таммуза в когтях ухеелей, обращаются в неупокоенных призраков, демонов ночи, насылающих дурные сны и смертную тоску. Однако времени для последней услуги, которую человек может оказать человеку, у него сейчас не было. Внезапная мысль точно кипятком обожгла его сознание. Судя по тому, что костер еще горел, персы не успели далеко уйти, значит, драконы, недовольно описывающие круги над рощей, наверняка привлекут их внимание. Ведь не будь здесь кого-то, кто мешает падальщикам наброситься на пищу, твари бы уже давно набивали себе брюхо дармовой поживой.

Если эта мысль пришла в голову ему, то воины Кира, лучшие в обитаемом мире, который эллины называют Ойкуменой, без сомнения, поймут незамысловатый знак в небе. Намму весь обратился в слух. Ему показалось, что издали доносится конское ржание. Так ли это было или нет, он не желал выяснять и бросился опретью подальше от ухеелевой добычи. Он бежал, не разбирая дороги, не всегда успевая перескочить через попадающиеся на пути камни. Намму падал, вскакивал и снова бежал. Он мчался, точно к ногам его внезапно приросли крылья. Сумка, полная свитков, колотила его по бедру, и он бы скинул ее, когда бы нашел в себе достаточно смелости, чтобы остановиться.

Берег Евфрата показался столь неожиданно, что он едва успел остановиться, удерживая равновесие, чтобы не рухнуть в воду. Синяя с прозеленью, та плескалась под ногами, маня к себе желанной прохладой, обещая утолить жажду и даровать отдохновение телу. Пальцы Намму сами собой впелись в узел старого кушака, он начал было развязывать его и вдруг невольно замер, уставившись в одну точку. Совсем неподалеку от того места, где он вышел к реке, кипела работа. Сотни людей с заступами долбили землю у самого берега. Другие грузили

в большие корзины смешанную с камнями землю, третьи куда-то тащили выкопанное, затем вновь возвращались за очередной ношей. Вокруг землекопов, то там, то здесь, пешие и конные, красовались персидские воины в характерных кожаных шапках.

Намму упал между камней, стараясь, как учил его отец, превратиться в змею, вылезшую погреться на солнце, довольную жизнью и оттого не желающую ни показать себя, ни даровать смерть ближнему. Удалось это или нет, но занятые подневольным трудом землекопы не обратили на него ни малейшего внимания, а стражу, вероятно, больше заботило, чтобы работники не разбежались. Благодарение Мардуку, они попросту не заметили его. Удостоверившись, что персы не спешат отрядить всадников на его поимку, Намму стал тихо отползать, продолжая в душе и сознании своем оставаться длиннохвостым аспидом, вылезшим погреться на солнце.

Огромные, выше ливанского кедра, Ламассу – крылатые человеко-быки – грозно взирали на чужаков, смеющих приблизиться к воротам могущественного Вавилона. Когда-то отец Намму рассказывал, что халдейские маги, желая захватить город, прельстились богатой добычей двух чудовищ из племени Ламассу, обитавшего у незримого устья Гидаспа.³

Неуязвимые для копий и стрел, эти чудовища буквально в считанные минуты растоптали войска прежнего властителя «Божьих врат».⁴ Но когда дело дошло до обещанного вознаграждения, маги тайными заклинаниями обратили Ламассу в камень. С тех пор в знак могущества халдейских царей они поставлены немymi каменными привратниками у стен великого города. И лишь когда последний наследник венца этой династии кровью смоет леденящие слова закли-тия с каменной груди недвижимых стражей, они вновь обретут свободу.

Правдой это было или нет, Намму не знал. Так рассказывал ему отец – старый мудрый Абодар, который даже смерть долгое время обводил вокруг пальца, пока та, наконец, не застала его пьяным и спящим. Намму еще раз с опаской поглядел на каменных гигантов. Их бородатые лица были полны угрозы, так что ему стоило труда не отвести взор.

Позади грозных стражей виднелись проезжие ворота, куда медленно втягивались запряженные быками повозки. Животные недовольно косились на драконов и львов, украшавших стены Вавилона. Но те в своей мертвенной гордыне не желали сдвинуться с места, чтобы расправиться с упряжными животными.

– Стой, куда?! – Стражник в кожаном нагруднике с коротким, но увесистым копьем преградил дорогу Намму. Еще несколько его собратьев искали тени у задней ноги Ламассу, пристально наблюдая за происходящим. Фигура бородатого оборванца не внушала им доверия. В Вавилоне хватало и своих нищих.

– Ведаешь ли ты, с кем говоришь? – Бродяга из-под густых нависших бровей метнул гневный взгляд на глупца, преградившего ему путь.

Намму стоял гордо выпрямившись, лицо его было сурово и надменно. И хотя сейчас длинная черная борода самозваного мага не была уложена по моде ровными спиральями, а развевалась по ветру, – это лишь придавало изможденному страннику более грозный вид.

– Я помню этого Ламассу еще теленком! Долгие годы провел я в уединенной пещере, постигая рост камней и дыхание скал. Я пришел, откликнувшись на зов великого царя Набонида! И вот что будет с тем, кто посмеет остановить меня!

Намму быстро наклонился к земле, подхватил небольшой камешек и сжал его между ладонями. Наземь тонкой струйкой посыпался песок. Стражник отшатнулся, поняв, что помимо воли столкнулся с одним из тех, с кем лучше было не спорить. Быть может, с одним из вечно живущих таинственных магов-служителей Мардука⁵ или еще каким властителем стихий

³ Гидасп – приток Инда. В настоящее время – река Джелама.

⁴ Вавилон в переводе с шумерского – «врата Бога».

⁵ Мардук – главный бог Вавилонского пантеона, отец и судья богов.

и адептом тайных знаний. Привратник спешно посторонился, освобождая дорогу, лишь крикнув вслед, что Набонида сейчас нет в городе. Об этом Намму знал и сам. Неведомо, в какой части державы находился сейчас ее царь, разбитый недавно армией Великого Кира. Но в самом Вавилоне по-прежнему владычествовал его сын и соправитель Валтасар. Однако, во-первых, Набонид куда больше своего разгульного сына покровительствовал жрецам всех ему ведомых богов, а во-вторых, скажи Намму, что направляется ко двору Валтасара, кто знает, не послал бы начальник стражи с ним сопровождающего.

Пройдя медные ворота, Намму огляделся по сторонам, выкинул из рукава ненужный уже камень и облегченно вздохнул. Горсть песка он всегда носил за кушаком, так еще в детстве научил его отец. Неизвестно, когда и от кого придется убежать, а песок, брошенный в глаза, – отличное средство, чтобы оторваться от преследователя. Но сейчас важнее было другое. Кишки в животе свились, как дерущиеся змеи, и больно жалили друг друга, издавая при этом звуки, непристойные для человека, постигшего волю богов и тайны мироздания.

Намму огляделся по сторонам. В отличие от всех знакомых ему городов – а сколько их было видано в прежние годы странствий! – Вавилон поражал выверенной правильностью своих улиц. Они были ровными, точно прочерченными лучами предвечного Солнца. И в этой прямой четкости недвусмысленно читалась благодать высшего разума. Однако сейчас Намму интересовали вовсе не выложенные аккуратно подогнанными плитами улицы и не фризы на стенах домов, порождавшие внутри Вавилона иной, обжитый лишь ветром и духами мир. Он быстро нашел то, что искал: небольшая, но очень аккуратная, как, впрочем, и все здания Вавилона, лавка красовалась по правую руку от него. Сквозная шестилучевая звезда из лазурита над входом недвусмысленно указывала, что здесь обитает выходец из народа эбору. Хотя более полувека назад грозный вавилонский царь Навуходоносор, разгромив далекую столицу этого народа, привел их пленными сюда, на берега Евфрата. По сути, они не были здесь чужаками. В незапамятные времена часть аморейского народа, отринувшая всех богов, кроме Единого, перешла Евфрат и направилась искать землю, где бы могли они разбить свои шатры, пасти скот и молиться небесному Творцу. Оттого их и прозвали эбору – то есть «перешедшие реку». Так что воля царя, по сути, лишь воссоединила распавшийся на части народ, ведь и вавилоняне, и ассирийцы, и эбору – всего лишь разные части аморейского народа. Правда, как говорил старик отец: «Разбитый кувшин доцела не склеить».

В Вавилонии эбору было запрещено владеть землей и скотом. Те из них, кто сумел отринуть рабское ярмо, зарабатывали на жизнь торговлей и ростовщичеством. Насколько приходилось видеть Намму, эбору были ловки и расчетливы, их заведения процветали, зачастую вызывая недовольство у коренных вавилонян и персов.

Однако путнику, издержавшемуся в дороге, необходимо было раздобыть денег на обустройство в городе, караванщику – обменять греческие тетрадрахмы, и потому, проехав городские ворота, очень многие искали дом у ворот, отмеченный сквозной звездой, чтобы продать, купить или поменять.

В лавке было многолюдно. И все же ее хозяин – невысокий, лысоватый, с длинной ухоженной бородой, ниспадавшей на округлое брюшко, успевал приветствовать каждого вошедшего, желая здоровья, долгих лет и милости того, в чьей руке нить жизни каждого.

– Мир входящему! – поспешил он навстречу Намму с такой улыбкой, что можно было подумать, будто старые друзья наконец-то встретились.

– Господь единый да пребудет с тобой! – высокопарно отвечивший, запуская руку в суму и доставая из нее наугад один из пергаментов. – Погляди-ка на это.

Он протянул свиток хозяину лавки. Тот, заученно поклонившись, принял чужую «драгоценность», развернул исписанный ошметок выделанной телячьей кожи и... Глаза его округлились, словно оживший Ламассу неожиданно заглянул в его лавку.

– Входи, входи скорее, – зашептал он, задыхаясь от волнения и переполнявшей радости. – Мы давно тебя ждем. Йоханан, останься в лавке. Илиа, нагрей воду для купания. Мой дом – отныне твой дом.

Толстяк увлек обескураженного Намму в жилую часть дома, начисто потеряв интерес к прочим клиентам. Его подручные поспешили занять место хозяина, однако спиной Намму почувствовал удивленные взгляды.

– Это такое счастье для нас! – не унимался бородач. – Ты устал, отдохни с дороги. Моя дочь Сусанна сейчас подаст угощение и омоет тебе ноги.

Намму устало кивал, лихорадочно пытаясь сообразить, что же такое было заключено в пергаменте, который ошеломленный хозяин продолжал прижимать к сердцу. Дело пахло долгими расспросами, и Намму хотя бы примерно хотел представить себе, что ему следует отвечать.

– Илиа, бездельник, что же ты медлишь?! Беги расскажи, что Он пришел!!!

«О Мардук, судья богов! – из-под тяжелых бровей глядел на суетившегося хозяина Намму. – Что же я скажу этому несчастному, когда выяснится, что я не тот, за кого он меня принимает, а долгожданный Он засыпан камнями у холма на самом краю пустыни?»

Однако... Намму увидел перед собой устланную белыми овечьими шкурами скамью и двух юных чернооких красавиц с чертами лица тонкими и страстными, словно майская ночь. Одна из них держала в руках сосуд для омовений с теплой водой, другая – белый плат.

«Почему бы не подумать об этом позже?» – вдруг пришло в голову усталому путнику.

Спустя полчаса лавка у ворот Иштар была забита народом, который с трепетом взирал, как насыщается долгожданный гость, медленно попивая драгоценное заморское вино и угощая зрелыми смоквами дочерей торговца Иезекии.

От съеденного и выпитого Намму стало клонить в сон. И он уже было приподнялся, радуясь возможности отложить расспросы еще на несколько часов, когда дверь в комнату внезапно распахнулась, и внутрь помещения, расталкивая собравшихся круглыми щитами и древками копий, стали втискиваться стражники. Намму и подумать ни о чем не успел, когда на его плечах и запястьях сомкнулись чьи-то крепкие руки, и воины, невзирая на возмущенные крики толпы, поволокли его на улицу. Там в окружении еще двух десятков грозного вида стражей гарцевал на черном парфянском скакуне один из тех, кому мудрый старик Абодар настоятельно рекомендовал не попадаться на глаза. У Намму тоскливо заныло под ложечкой.

– Это он, мой господин! – указывая пальцем на пленника, в голос закричал один из спутников вельможного наездника. Намму с тоской узнал в нем того самого простофилю, которого он так ловко обманул старым фокусом с рассыпающимся в песок булыжником.

– Я и сам вижу, что он, – насмешливо отозвался всадник. – Ко львам его!

Глава 2

В ходе бурной дискуссии не стоит загромождать выход из положения.

Цицерон

В жизни каждого спортсмена есть момент почти равный смерти – это миг, когда сходишь с пьедестала. Еще минуту назад вокруг гроыхала музыка, дурманили ароматы букетов, и улыбающаяся красавица вешала тебе на шею желанную медаль. И вот все кончено. Музыка отгремела, руки заняты вязанками умирающих цветов, и кусочек металла на ленточке нелепо висит у тебя на груди. Ты делаешь шаг и понимаешь, что это шаг в пустоту. Да, еще будут речи, крепкие рукопожатия, хлопанья по плечу, деловые предложения и, как это называется, интересные встречи. Но цель уже достигнута, повернуться назад и достичь ее снова невозможно. Месяцы, порою годы упорного труда, изнурительных тренировок и самоотречения спрессовались в единый миг, этот миг позади, и пора делать шаг с пьедестала. Пока ты молод, вряд ли почувствуешь все безысходное отчаяние, присущее такому моменту. Стремление к новым победам снимает боль, но с возрастом приходит леденящее понимание того, что без этого краткого мгновения триумфа твоя жизнь становится пустой и темной, как высохший колодец. И ты снова рвешься в бой, и каждый раз успех дается все труднее, и каждый раз все труднее сходить с олимпийских высот на асфальтовую твердь. И гложет, больно гложет предчувствие того дня, когда больше не удастся одержать верх над собой и миром. А эта невысокая, по сути, вершина с короткой цифрой вместо названия покорится новому кумиру.

С недавних пор такие мысли одолевали Руслана все чаще. И в тот день, когда в борцовском зале вновь прозвучали слова: «И снова, в третий раз, чемпионом становится Руслан Караханов!» – лишь он один знал, что это последние овации, и шаг с пьедестала будет первым шагом в совсем иную жизнь. Впрочем, насколько иную, он и подумать не мог. В будущем Руслан видел себя тренером. Если грядущее представлялось светлым – тренером сборной. Если же в ход шли мрачные тона – какой-нибудь детско-юношеской спортивной школы. Конечно же, он мог ожидать, что Спортивный Клуб Армии отреагирует на его решение уйти из большого спорта присвоением очередного воинского звания, но лучше уж остаться непобедимым майором, чем битым подполковником.

Такие мысли не добавляли атлету хорошего настроения. Он сидел в раздевалке, нарочито медленно сворачивая борцовский пояс, когда в помещение заглянул один из функционеров спорткомитета, каких всегда много у различных спортивных кормушек.

– Руслан Михайлович, вы здесь?

– Нет меня, – огрызнулся он.

– Тут к вам пришли, – не обращая внимания на очевидное игнорирование спортсменом своего собственного присутствия, продолжил чиновник.

– Журналисты?

– Нет, эти ждут у выхода.

– А кто?

– Мне их из федерации прислали. Один – иностранец, другой – наш. Какие-то шишки. Кажется, по поводу работы.

– Ладно, пусть зайдут.

За годы занятий у Руслана неосознанно выработалась привычка оценивать человека по тому, как он движется. Во время первой встречи, когда новый знакомый еще не слишком контролирует свои движения, манера влачить свое брненное тело может немало рассказать о человеке.

Вошедшие принадлежали к той категории людей, которым мощная, тренированная мускулатура не мешала чувствовать себя легко и непринужденно в безукоризненно сшитых костюмах. Профессиональные борцы в официальной одежде обычно чувствуют себя менее комфортно и чаще всего производят впечатление неповоротливых увальней.

– Руслан Михайлович, говорят, вы подумываете о том, чтобы покинуть большой спорт. Если это действительно так, мы могли бы предложить вам интересную работу, – начал один из вошедших, судя по выговору, вовсе не иностранец.

– Должен предупредить заранее, – Караханов поднялся и сверху вниз начал пристально разглядывать гостей, – я не участвую в бандитских разборках и не выступаю в так называемых рейтинговых боях без правил.

– Можете поверить, это и не по нашей части, – широко улыбнулся говоривший.

Руслану нравились люди, умеющие широко улыбаться. Вести дела с ними всегда проще, о чем бы ни шла речь. Он еще раз оглядел новоявленных работодателей, пытаясь угадать, кому же это он понадобился и для чего.

– Спецслужбы? – понижая голос, предположил он и, вспомнив, что один из гостей – иностранец, добавил: – Интерпол?

– Чуть ближе к истине, – принимая игру в холодно-горячо, кивнул его собеседник. – Но еще очень далеко. Не буду вас томить. Речь идет о науке.

В мозгу Руслана моментально возник образ биологической лаборатории, в которой маньяк-ученый ставит опыты на людях и выводит популяцию боевых мутантов, биороботов-камикадзе. Должно быть, по озадаченному выражению его лица посетители догадались, в какие дебри увело собеседника бурное воображение.

– Не беспокойтесь, – поспешил заверить русскоговорящий. – Ничего противозаконного, все в рамках конвенций. Опытов на вас ставить не будут. Хотя, не скрою, работа может быть довольно опасной. Однако, на мой взгляд, весьма интересной. К тому же она очень неплохо оплачивается.

– О чем же в конце концов речь? – В голосе Руслана слышалось нетерпение.

– Об исторических исследованиях. У вас ведь, если не ошибаюсь, высшее историческое образование, – довольно уклончиво ответил переговорщик, и в голове у Руслана Караханова как-то сама собой зазвучала бодрая мелодия из «Индианы Джонса».

– Когда-то было, – усмехнулся он.

– Вот и прекрасно. Суть работы трудно объяснить, лучше вам все увидеть своими глазами. Еще раз заверяю: речь идет о науке. Если вам интересно, то предлагаю такой вариант: сегодня в федерацию придет официальное приглашение на ваше имя от английской Ассоциации самбо с предложением в следующем месяце посетить Великобританию и провести несколько показательных выступлений-занятий в одном небольшом университетском городке близ Лондона. Дорога и пребывание ваши оплачены. Виза будет открыта в посольстве в тот момент, когда вы сможете представить туда свой загранпаспорт. Вам следует лишь сообщить консулу, что приглашение подписано вот этим господином, – он указал на своего спутника, – лордом Джозефом Расселом. Приезжайте. В любом случае вы заслужили этот небольшой приз.

Он еще раз широко улыбнулся, и туман над Альбионом на минуту рассеялся, чтобы на долгие годы скрыть за густой пеленой дальнейшую судьбу трижды чемпиона.

Валтасар одиноко восседал на золоченом резном троне. Влажная жара длинного дня едва начала сменяться вечерней прохладой, и молчаливые нубийцы с опахалами из страусовых перьев все еще ритмично обмахивали государя, сумрачно наблюдающего за всеобщим весельем. Музыканты старались во всю мочь, пощипывая струны благородных кифар. Акробаты кувыркались и ходили на руках. Повара спешили насытить желудки многочисленных гостей нынче же изловленной рыбой и птицей – теперь жареной, вареной, копченой и еще невесть

какой. Валтасар молча взирал на суету и шумное веселье пира. Сегодня ни танцы плясуний, ни музыка, ни это буйное многолюдство не радовали его. Он вдыхал тянувшийся с Евфрата сырой воздух, мечтая тихо встать и удалиться на широкую, выложенную белыми известковыми плитами террасу, окружавшую дворец.

В зелени расположенного там искусственного сада все еще пели диковинные птицы, привезенные из дальних стран, и потаенные беседки сулили укрытие от чужих, порою весьма недобрых глаз. С тех пор как его отец Набонид был разгромлен персидским царем Киром в битве при Описе, радость и покой оставили его сердце. Кир был велик и силен, и не было земли и войска, которые могли остановить его полки. Взглядом своим, подобно змее, он завораживал противника и, подобно дракону, дыханием повергал наземь.

Когда-то много лет назад царь Набонид помог молодому Киру занять престол его деда, мидийского царя Астиага. Тогда он наивно полагал, что молодой принц, выросший в глуши, вдали от царского двора, будет послушным орудием в руках многомудрого владыки богатого Вавилона.

Однако же не зря Киру было предсказано стать великим правителем. Очень скоро отец понял, что есть с руки перс не станет. Тогда, вступив в союз с царем Лидии, Крезом, он обрушился на войско Кира... «Обрушился!» Валтасар невольно усмехнулся: так сухие листья обрушиваются на пламень костра. Еще недавно отсюда и до берегов Великого моря⁶ говорили: «Богат, как Крез». Кому теперь достоверно известна судьба лидийского царя? Одни рассказывают, что он бежал и, опасаясь погони, покончил с собой. Другие говорят, что он был замучен в персидском плену.

Хотелось верить, что Набониду повезло больше. По слухам, он успел скрыться с поля боя и теперь собирает войска для нового удара. Вот только есть ли меж великими реками армия, способная противостоять могуществу Кира? Да и верны ли эти слухи?!

О себе Валтасар не беспокоился: стены и башни Вавилона любого полководца способны отвлечь от глупой мысли брать их штурмом. Тысячи воинов готовы встретить персов на стенах. Запасы продовольствия обширны, и Евфрат всегда в изобилии дает воду всем, страдающим от жажды. Даже если царь персов и мечтает когда-нибудь овладеть Вавилоном, то, конечно же, он понимает, скольких жизней будет ему стоить победа. А ведь кроме Вавилона есть и еще враги. Готов ли Кир скормить ненасытным ухеелям большую часть своей армии, чтобы овладеть великим городом, а затем получить в спину десятки ножей?

– Великий царь грустит? – Один из евнухов, прислуживающих его жене, согнув дугой спину, приблизился к повелителю. – Быть может, государю угодно усладить себя поединком воинов?

– Позови Кархана, – коротко бросил он. – Пусть бросит вызов всякому, кто готов помериться с ним силами.

Евнух, кланяясь, поспешил удалиться, торопясь выполнить желание владыки.

* * *

Кархан вошел в пиршественную залу и оглядел толпу собравшихся, на миг затаившую дыхание и потерявшую дар речи при виде нового гостя. Что уж тут поделаешь. Природа наделила его ростом, превышающим два метра, широким разворотом плеч и обильной растительностью по всему телу, которая придавала его облику вид дикий и свирепый.

«Скиф», – пронеслось среди пирующих, и сотни глаз с интересом уставились на него в ожидании, будто перед зрителями был дрессированный медведь, а не человек.

⁶ Черного моря.

– Валтасар Великий, – во всю мочь луженой глотки прокричал царский глашатай, едва только великан появился в дверном проеме, – царь царей и повелитель Вавилона объявил свою волю. Тому из воинов, кто одолеет его телохранителя – скифа Кархана, он подарит столько золота, сколько этот победитель сможет унести.

По рядам пирующих пронесся восторженный шепот. По лицам придворных было видно, что они тщательно скрывают глумливые усмешки, предвкушая славную забаву. Среди гостей Валтасара было множество правителей различных городов Вавилонии, и каждый из них не без причин гордился своими воинами. Вряд ли они знали, что царь не впервые назначает подобный приз за победу. Те же, что знали, вероятно, надеялись на чудо.

Прямо скажем, Кархану было довольно неловко выходить против новых поединщиков. Честной игрой здесь и не пахло. Во-первых, победить заслуженного мастера спорта по самбо ни одному из местных бойцов попросту было не суждено. Боевое искусство еще не достигло того уровня развития, чтобы стоять вровень с современным ему. Во-вторых, скорость реакции в прошлые века, как оказалось, к немалому удивлению борца, значительно ниже привычной. Достаточно взглянуть на таблицы рекордов участников первых олимпиад XX века, чтобы с грустью убедиться: большинство прежних чемпионов в наши дни по своим результатам не прошли бы отборочный тур. Так что Валтасар практически ничем не рисковал.

Сегодня жертвой измывательства служил телохранитель одного из местных князьков. На общем фоне он смотрелся весьма импозантно. Но если не требовалось, скажем, переносить вола с места на место, проку от него было немного. Бойцы сошлись в центре зала, обхватывая друг друга руками. Противник силится крепче сжать Кархана в железных объятиях, чтобы выдавить дух и лишит воли к сопротивлению. Воспротивиться этому было несложно. Уходя вниз, Кархан с силой повернулся в кольцо его рук и выскользнул из капкана, дергая при этом на себя и вверх опорную ногу противника. Еще мгновение – чемпион по борьбе распрямился, и его соперник, не ожидавший такого подвоха, с грохотом рухнул на пол. Зрители приветственными криками поспешили подбодрить сражающихся. В принципе на этом броске можно было ставить точку. Стоило профессиональному борцу сейчас всем весом рухнуть на обескураженного телохранителя, – и поединок закончился бы сам собой, едва начавшись. Однако атлет понимал, что царь, поставивший на него такую уйму драгоценного металла, вовсе не обрадовался бы столь быстрой и легкой победе, а потому Кархан дал бедолаге подняться на ноги, и они вновь сошлись, пыхтя и обнимаясь, как старые друзья. Самбист водил противника по залу, как медведя на привязи, то и дело заставляя зрителей отшатываться в ужасе и высматривая место у ног приезжего князя, куда после заключительного броска должен будет прилететь его несчастный телохранитель.

Наконец Кархан, видимо, решил, что настало время для эффектного финала. Он чуть отшатнулся, разрывая дистанцию, и тут же почувствовал, как пальцы телохранителя крепче впиваются в его плечи, стараясь не упустить желанный приз. Боец Валтасара потянулся за противником и тут же опрокинулся на спину, выставляя ногу вверх. Центнер с лишним живого веса незадачливого поединщика устремились к ногам вельможи, недовольно теребившего длинную бороду. Зал взвыл необычайно громко. Так, будто никогда прежде не видел поверженных силачей. Кархан рывком поднялся на ноги.

Однако никто, кажется, не думал приветствовать победителя. Взгляды присутствующих, как один, были устремлены на каменную стену, по которой неведь откуда взявшиеся парящие в воздухе персты выводили огненные письмена. Спустя полминуты все было кончено. Таинственные пальцы исчезли, точно и не были, лишь короткая надпись пылала на стене, кажется, не думая гаснуть, но и не воспламеняя окружающие драпировки.

– Что это, что?! – Валтасар подскочил на троне, точно рой пчел внезапно образовался под царственными ягодицами.

– Что это, что?! – Голос правителя заглушал крики его подданных, но письменам, горящим в наплывающем сумраке, до криков не было никакого дела. Они светились безучастно, слепя глаза и порождая ужас, внезапно охвативший всех. Никто не ведал ответа, да и слова, раздававшиеся сейчас посреди зала, навряд ли можно было считать проявлением человеческого разума.

Признаться, этого дня Институт ждал уже долго. Кархан озирался по сторонам, пытаясь догадаться, откуда же в действительности появились таинственные письма, ругая себя за то, что слишком долго возился с противником и пропустил момент возникновения странной иллюминации.

Конечно же, еще со школьной скамьи он знал, как переводится и звучит таинственная надпись. Но не мог же он, встав с пола, отряхнуться и сказать: «Да, кстати! Вот эти „Мене, текел, фарес“ или же, по другой версии, „Мене-мене, текел, упарсин“ означает „сосчитано, взвешено, признано негодным“ или что-то в этом роде», – и здесь, и в Институте это вызвало бы бурю недоумения. А поэтому он вскочил на ноги и со свирепым видом занял место подле Валтасара, недвусмысленно демонстрируя, что голыми руками готов разорвать всякого, кто дерзнет угрожать любимому государю. Однако паника все не унималась, а толкователя божественной эсэмэски по-прежнему не было видно.

Верховный жрец Бела-Мардука появился в зале, как обычно, с помпой. Два десятка слуг предшествовали ему, освобождая дорогу, неся священное изображение владыки богов и атрибут власти самого верховного жреца. Прежде Кархану не раз уже доводилось видеть этого старого пройдоху. Его манера давать ответ на вопросы была столь многословна и велеречива, что становилось абсолютно неясно, о чем, собственно, идет речь. Кархана она доводила до белого каления. Валтасар по этому поводу, кажется, придерживался совсем иного мнения.

Неизвестно, послал ли кто-нибудь за почтенным служителем культа, или тот попросту опоздал к началу пиршества, но, кажется, он пришел во всеоружии заготовленного ответа. Пожалуй, если бы странная надпись, все еще пылающая на стене, получала энергию от батарейек, к концу гневной обличительной речи первосвященника она уже погасла бы.

Но суть была ясна. Валтасар позабыл, что он лишь поставлен богами, дабы блюсти их волю, однако царь не слишком усердствует в служении Мардуку, бог полон гнева и обиды и готов допустить, чтобы свершилось дерзкое предсказание Иеремии – пророка народа эбору, который вещал о наступлении последних дней Вавилона. Раз это касается эбору, то и отвечать за перевод должны их пророки. Один из них, кстати, по его, Верховного жреца, приказу совсем недавно брошен в ров ко львам. Так что, если мятежник жив...

Бронзовые наконечники копий упирались Намму под ребра.

– Прыгнешь сам или же прикажешь сталкивать тебя? – Стражник легко надавил своим оружием на податливую человеческую плоть. В голове обреченного промелькнула вся дорога сюда от ворот Иштар до царского дворца. Здесь ее именовали Дорогой Процессий. Для Намму эта процессия должна была стать похоронной. Он вспоминал пройденный путь шаг за шагом, лихорадочно пытаясь сообразить, где мог задать стрелкача. Перебирание миражей прошлого – слабое, но не единственное утешение в минуты перед верной гибелью. Ни Дорога Процессий, ни длинный мост через Евфрат с деревянным настилом посередине не годились для побега. Выросший среди камней и мелких речушек, Намму и помыслить не мог вплавь одолеть Евфрат, да и стражники, бдительно следящие за округой с высоты стен, выходящих к реке, не преминули бы открыть охоту на неумелого пловца.

Невелика штука для тех, кто бьет птицу влет пронзить стрелой барахтающееся в воде тело. Намму представил эту картину и от жалости к себе невольно передернул плечами. Похоже, на этот раз он действительно влип по самые уши.

– Ну, что ты застыл?! – Недовольный затянувшимся ожиданием начальник стражи подтолкнул арестанта. – Ты и друзья твои обещали Вавилону последние дни? Так вот: тебе их не пережить.

Он резко занес копьё для удара, и Намму, точно его подхлестнули витым бичом, с криком бросился вниз, туда, где на дне сухого рва ожидала его скорая и ужасная смерть. Он зажмурил глаза, не желая видеть, сколько львов обитают в этой смертельной западне. Он орал во все горло, и львиный рык был ему ответом. Смерть мчалась ему навстречу, обнажая желтые клыки и выпуская из мягких лап отточенные когти.

Земля больно ударила по ногам. Намму не удержался, рухнул на руки, а затем, помимо воли, кувыркнулся через голову. «Жив, кажется, жив», – переводя дыхание, подумал он, напряженно слушая, не раздастся ли над головой львиный рык. Намму прижал ухо к земле, вслушиваясь и стараясь понять, далеко ли гривастые убийцы. Кошки легки на ходу, пусть даже такие огромные, как эти. Он ничего не услышал, но каким-то звериным чутьем ощутил тяжелый взгляд, упершийся между лопаток. Это чувство подбросило его, заглушая боль в ногах, и он опрометью метнулся вперед по каменистому дну рва, не давая себе ни опомниться, ни осмотреться по сторонам. За спиной послышалось угрожающее рычание. Лев, дотоле внимательно осматривавший новую жертву, ожидая, станет она двигаться или нет, моментально принял решение и устремился вслед человеку. «Львы не охотятся! – на ходу подумал Намму, стараясь обогнать собственную мысль. – Охотятся львицы! Львы не охотятся!»

Эта истина была известна всякому жителю Ниневии с безмерно давних пор. Во времена былого величия Ассирии охота на этих могучих хищников была излюбленным времяпрепровождением царского двора. А вслед за ним и прочих мужчин столицы. Но здесь, во рву, как рассказывали те, кто бывал в этом городе прежде, обитали только львы. Стало быть, как-то они научились обходиться без львиц. Над головой Намму послышалось веселое улюлюканье и свист. Наверняка стражники, не впервые наблюдающие подобное развлечение, следили за происходящим, споря, как долго протянет «львиный ужин». Краем глаза Намму увидел перед собой высокий уступ. Вытянув руки, он едва мог ухватиться за него. Не раздумывая, он вцепился в него пальцами, с силой подтянулся и вмиг оказался на торчащем из скалы камне. Прежде, на родине, ему уже доводилось проделывать нечто подобное. Но тогда это была лишь демонстрация удалости. Ныне же от его ловкости зависела жизнь.

Уступ был маленький. Две ступни едва-едва могли поместиться на каменной полке, не оставляя зазора. Намму прижался щекой к скале, глядя с безысходной тоской, как бесится внизу раздосадованный лев. Допрыгнуть сюда эта тяжелая громоздкая кошка не могла, но, поднявшись на задних лапах, она лишь самую малость не доставала до ступней Намму. Он явственно слышал, как скрежещут о камень острые как бритва когти. Сердце приговоренного к смерти колотилось в ужасе, точно запертая в клетке птица во время пожара. И казалось, что каждый толчок отбрасывает его от спасительной каменной плиты в оскаленные клыки голодного зверя. Только сейчас Намму осознал, что выступ, казавшийся ему совсем недавно убежищем, – всего-навсего западня. Сколько еще он сможет простоять так вот, впившись в скалу?

Стражники наверху весело подбадривали обреченного:

– Давай, парень! – раздалось над самой его головой. – Если ты так достоин до заката, то сделаешь меня богачом! Продержись, и я пожертвую золотой Мардуку, чтобы в подземном царстве тебя устроили получше. – Голос еще что-то продолжал, но слов уже не было слышно. Новый рык, более грозный, чем прежний, заглушил их. «Еще один лев», – в ужасе подумал Намму. Второго зверя он не видел, но отлично слышал его. Угрожающе рыча, его первый преследователь, словно потеряв интерес к близкой добыче, снова встал на все четыре лапы и приготовился к нападению. Еще мгновение, и лев ринулся в бой, стремясь отогнать соперника. Борьбы за его спиной Намму видеть не мог, однако, судя по доносившимся звукам, спор за его брненное тело завязался нешуточный. Намму еще держался пальцами за неровности скалы,

однако с ужасом чувствовал, как все больше немеют его ноги. Еще немного, и на радость сцепившимся людоедам он попросту свалится на землю, как перезрелый плод. Стараясь не дышать, он вывернул шею, чтобы получше разглядеть схватку. Силы были примерно равны. Решение, несомненно, безрассудное, но дававшее хоть какой-то шанс на спасение, пришло вдруг, как молния, ударившая с ясного неба. Собравшись с духом, он спрыгнул и что есть силы припустил туда, откуда совсем недавно примчал второй хищник. Сейчас, во время боя за охотничьи уголья, тот не мог показать спину врагу и продолжал яростно атаковать неприятеля, стараясь полоснуть его по морде когтистой лапой. Это давало Намму крохотную фору, используя которую, он мог продлить, а там, быть может, и спасти свою жизнь.

Не чуя под собой ног, Намму мчался вперед. Никакая цель еще не была для него такой желанной и... такой зловонной. Впереди, всего в нескольких мгновениях бега, красовалась внушительная куча львиного дерьма. Намму плюхнулся в нее, как изможденный пустыней странник в чистые воды озера, и начал кататься, стараясь измазаться как можно сильнее.

Довольно скоро вернулся лев – хозяин этой части рва. Приблизившись к остолбеневшему Намму, он медленно обнажил клыки, угрожающе рыкнул, но затем, приняв хавшись, недовольно фыркнул, пару раз демонстративно лапой поскреб каменное дно, пытаясь зарыть кучу, и, отойдя в сторону, улегся неподалеку зализывать раны. Спустя какое-то время, показавшееся Намму вечностью, искоса поглядывая на победителя, пришкандыбал и второй его собрат. Увидев недавнего противника, хозяин территории неспешно встал и, оскаливаясь, зарычал. Его побежденный недруг огорченно повернулся, но, пройдя несколько шагов, улегся наземь чуть поодаль, вероятно ожидая, что от скорой трапезы ему перепадет хоть кусок.

«Что делать дальше?» – сцепив челюсти, чтобы не стучать зубами от страха, размышлял Намму. Пока что львы не трогают смердящую, не проявляющую никаких признаков жизни добычу. Но как знать, долго ли это продлится? Старый Абодар когда-то рассказывал о людях, которые, попав в львиную семью, не просто выживали, а становились ее членами. Кажется, тот несчастный, о котором рассказывал Абодар, вытащил из лапы гривастого чудища занозу или стрелу.

Намму бросил взгляд на ближайшего хищника. Кровь еще сочилась из глубоких царапин на его теле, и длинным шершавым языком он старательно вылизывал следы недавней схватки. Хорошо бы залечить ему эти раны. Но как? Намму поглядел на дно рва и каменные его стены с робкой надеждой – не обнаружится ли одно из тех растений, которые, как учил его отец, останавливают кровь и затягивают раны. Впрочем, даже если они, на счастье, здесь и произрастают, как убедить льва, что ты желаешь помочь ему? Да что там убедить – просто сойти с места?

Короткие сумерки быстро сменились тягостной мглой ночи. Быть может, последней в его жизни. Намму перебирал знакомые имена богов, не зная, что и обещать им в обмен на свое спасение. Быть может, он обидел единого бога эбору, когда взял свитки там, на краю пустыни? Или же нынче в лавке? Но он же засыпал камнями тело бедолаги, а не скормил его ухеелям? И нынче разве он хотел чего-то плохого? Только омыться с дороги и немного поесть. При этой мысли у него так громко заурчало в брюхе, что лев поднял голову и стал напряженно вслушиваться. «Не может быть, чтобы грозный бог эбору мог сводить со мною счеты из-за куска жареного мяса и чаши финикового вина!» Впрочем, кому ведомы пути господни?

Факел мелькнул в воздухе хвостатой звездой, упал на дно рва, за ним еще один. Дремавший неподалеку лев от неожиданности подскочил и, увидев близкие языки огня, пробивающиеся сквозь клубы чадящего дыма, огрызнувшись, медленно отошел поодаль.

«Неужели теперь, когда им не удалось накормить львов сырым мясом, они решили поджарить меня?» – мелькнула в голове Намму горькая, но отчего-то смешная мысль. Он усмехнулся, глядя на огонь. «Там еще один!» – раздалось над головой. И в ров, отгоняя второго льва, полетели новые факелы.

– Эй! – вновь слышалось сверху. – Держи веревку!

Глава 3

Иллюзия, приносящая доход, становится объективной реальностью.
А. Ферстенберг

Оставленные на дне рва голодные львы с нескрываемым огорчением следили, как улетает от них ужин нынешний и отчасти вчерашний.

– Эк от тебя смердит! – развязывая веревку, беззлобно произнес один из стражников.

Намму обладал хорошим слухом и цепкой памятью. Он помнил, что именно этот голос обещал Мардуку золотой, если жертва сумеет продержаться до заката. Сейчас ему было чему радоваться. Потому легкий толчок копьём, который Намму ощутил, едва веревка, которой он был обвязан, упала на землю, был скорее частью ритуала, чем проявлением суровости.

– Ступай, пророк. – В тоне охранника звучала насмешка. Он был немолод и в жизни повидал всякого. – Уж и не знаю, какой ты там пророк, но счастливчик, это точно! – При этих словах Намму удивленно обернулся. Вот уж кем-кем, а счастливчиком нынче он себя назвать не мог. Заметив этот жест, сопровождающий вновь пригрозил копьём. – Ну, что глаза выкатил, иди уже!

В другой раз, скажем, поймай этот копьеносец его на рынке, продающим горшочки с запечатым в них сиянием от трона Мардука, он бы, пожалуй, не желая искушать судьбу, безропотно повинился или попытался купить свободу за пару монет. Но сейчас денег у него не было, зато стражник явно принимал его за божьего человека. Вот как оно выходит. Значит, тот несчастный, упокоенный им у края пустыни, был пророком народа эбору! Хорошо бы узнать, что этот бедолага им напроорочил до того, как нелепо сгинуть в пустыне! Однако времени размышлять об этом не было. Но и без того Намму быстро смекнул, что в положении, ему приписываемом, есть свои достоинства. Чем, в сущности, эборейский пророк хуже мага-халдея?! Приосанившись, он метнул на своего говорливого спутника взгляд из-под густых тяжёлых бровей и медленно изрек, тщательно проговаривая слова:

– Тучи сгущаются над тобой и домом твоим, ибо кто прольет кровь мою, узрит воочию, как высыхает кровь в чадах его.

– Ты это, – копьеносец изменился в лице и убрал оружие, – ну, иди, в общем, не стой.

Глаза начальника городской стражи, того самого вельможи, который руководил его арестом, едва увидел он снова Намму, стали напоминать пару затянутых льдом линдвормовых нор.⁷

– Что это за пугало вы ко мне притащили? – напустился он на пришедших. – В чем это он? Что за мерзкий запах?

– Это львиное дерьмо, – пояснил неуверенно тот самый говорун, которому Намму обещал приближение несчастий. – Парень вымазался, и львы его не тронули.

– Что ты говоришь? – еще больше раздражаясь, закричал придворный. – Царь велит доставить мерзавца к нему на пир. Прикажешь так его вести?

Стражник вовсе не собирался приказывать своему начальнику и поспешил спрятаться за спину сопровождаемого. Как ни крути, другого пророка у него в запасе не было.

– Немедленно оттащите этого негодяя в мою купальню, – брезгливо поморщился царедворец. – Омойте его горячей водой! Умашивайте маслами, все равно какими, лишь бы отбить этот смрад! И быстро, очень быстро! Государь послал за ним!

⁷ Линдворм – двулапый бескрылый дракон, по поверью обитавший от северного Междуречья до Монголии и Камчатки.

Стражники и пара слуг, присутствующих при этом разносе, мигом бросились выполнять недвусмысленный приказ разъяренного господина. На какой-то миг Намму показалось, что избавление близко. Горячей воды в купальне не оказалось, один из стражников умчался куда-то за ней, второй, должно быть, не желая находиться вблизи от дурнопахнущего пленника, устроился караулить за дверью. Слуги бросились за одеждой и благовониями, оставив пленника без присмотра. Это было весьма неосмотрительно. «Эборейский пророк» мгновенно оценил вентиляционные окна купальни. Они были достаточно широки, чтобы он мог в них протиснуться. Намму не упустил случая воспользоваться возможностью.

В прежние годы ему частенько приходилось лазать по скалам и забираться в самые узкие расщелины, выискивая спрятанные клады или укрываясь от когтей барсов. В одно движение он оказался у тесного оконца, желобом уходящего вверх, и, цепляясь за уступы и щели между камнями, проворно начал карабкаться по нему.

Вскоре голова его очутилась снаружи, и он прищурился, всматриваясь в темноту, стараясь поскорее привыкнуть к ночной мгле. Внизу во дворе виднелись факелы стражи. Судя по количеству огней, солдат здесь было не меньше полусотни. Намму постарался поточнее представить себе, на какой высоте находится оконце, и с грустью осознал, что прыжок отсюда может стать последним в его жизни.

Оставался еще один шанс: Намму старательно вывернул шею, разглядывая, дотянется ли он руками до ближайшего окна. Вышло, что дотянется. Правда, на какой-то момент придется балансировать на краю своего тесного лаза с риском попросту свалиться в мощный каменными плитами темный провал двора. Однако Намму верил в собственную ловкость и в то, что боги не оставят его в этот час. После истории со львами у него вновь затеплилась надежда, что вечноживущие если и не любят сына Абодара, то, во всяком случае, с интересом наблюдают за его похождениями. Он впился пальцами в камень и со знанием дела начал подтягиваться, стараясь разгрузить напряженные ноги. Окно было уже совсем близко, казалось, еще чуть-чуть, и беглец окажется в комнате. Здесь был шанс укрыться – вряд ли караульные начнут поиски исчезнувшего пророка с покоев начальника городской стражи. А там, под шумок всеобщей суматохи, глядишь, и выпадет случай улизнуть.

Намму осторожно нащупал очередную зацепку, вновь подтянулся и замер. Сквозь незакрытое окно доносились звуки голосов...

– Можешь передать своему господину, что все готово. По сигналу мои люди отворят Северные ворота.

– Передам.

– Если вдруг это не удастся, всегда можно свалить вину на эбору. В их лавках вечно толчется множество всякого сброда, и каждому ведомо, что эбору горят желанием отомстить вавилонским царям за свой плен, – продолжал один из собеседников. Голос его Намму узнал без труда. Именно этот голос послал его нынче днем на съедение львам. – Так что вина падет на чужаков.

– Это мудро, – отвечал ему гость. – Нам должно явить хитрость змеи, чтобы задуманное удалось.

– Я сделаю все, что можно, Гаумата, – с легким раздражением проговорил хозяин дома. – Но ответь мне, кто поручится, что Кир, войдя в город, не задержится здесь надолго? Не пожелает, скажем, устроить в Вавилоне столицу?

– Не пожелает, – коротко ответил тот, кого начальник городской стражи назвал Гауматой, и продолжил: – Такова будет воля богов. Сегодня поутру в город прибыл гонец из Лидии с известием, что страна объята восстанием. Скорее всего завтра такой же гонец прибывает к царю персов. Если к тому часу Вавилон падет, не оказав сопротивления, Киру станет попросту не до него. За Лидией могут последовать другие сатрапии: Фракия, Пафлагония. Египет тоже

смотрит недобро на усиление персов. Захват Финикии их очень раздосадовал. Царь уйдет со своим войском, оставив здесь наместника. Полагаю, ты догадываешься, кто им будет?

– Догадываюсь, – подтвердил начальник стражи.

– Ты же станешь при нем правой рукой, его зоркими глазами и метким копьем.

– Пропал! – донеслось до Намму снизу. – Исчез!

За криком последовало падение какой-то тяжелой емкости. Судя по звуку, бронзовой или медной, и удаляющийся топот. Вероятно, слуга, обнаруживший исчезновение пленника, бросился поднимать на ноги дворцовую стражу.

Неслышно выругавшись сквозь зубы, Намму скользнул змеей обратно в вентиляционное оконце и, точно вода по сточному желобу, мигом очутился в купальне. Здесь снова не было никого, но по ту сторону двери явственно доносились голоса. Наскоро сорвав остатки балахона, Намму плюхнулся в большой глиняный чан с водой, устроенный в полу, чтобы смыть как следы львиного помета, так и пыльную штукатурку, приставшую к его телу. Вода не была обжигающе холодной, но все же очень скоро его начал бить озноб. Сегодняшний день был чересчур наполнен неожиданностями.

Стражник, тот самый, который спорил на его жизнь у львиного рва, мельком заглянул в купальню, наткнулся на него взглядом и оторопело уставился, не мигая. Намму успел бы досчитать до трех дюжин, покуда отвисшая челюсть охранника заняла свое первоначальное место, и он вновь обрел дар речи. Правда, воспользоваться этим даром воитель не торопился и издал звук, совмещающий все известные ему гласные в единый выдох. Привлеченные столь необычным поведением старого вояки, слуги бросились к купальне. Один из них, должно быть, тот, кто уронил таз с горячей водой, по-прежнему валявшийся в луже на полу, замер, выпучив глаза, указывая пальцем на сидящего в чане Намму.

– Несчастный, – стараясь не стучать зубами от холода, заговорил тот, хмурия брови и вновь принимая пророческий вид. – Отчего, пролив воду, не отправился ты за новой, как подобает доброму слуге?

«Добрый слуга» мучительно икнул и выдавил сквозь жесткий спазм, перехвативший его горло:

– Ведь не было тебя тут.

– Когда дух мой воспаряет к Божьему престолу, – пустился в импровизацию Намму, – дабы узреть величие Творца предвечного и насытиться мудростью его, плоть моя обретает вид бесплотный, или же, по-иному говоря, всякий явный вид наяву теряет, точно и нет ее нигде. Сам же я в тот час, духом воспаривший, наличествую везде, ибо мир – лишь песчинка на длани Божьей. Так где же горячая вода? Где благовония, негодный?!

– ...Всякий зрячий видит, что отвернулся Мардук от народа своего! – Верховный жрец указывал перстом на стену, где по-прежнему искрились во все стороны таинственные письмена.

Поскольку живой пламень, явленный свыше, не спешил чего-либо поджечь, уже находились смельчаки, рисковавшие потрогать огонь и убедиться, что это не очередная выходка местных жрецов. А если и выходка, то уж больно заковыристая. Выяснить причину свечения достоверно так и не удавалось.

Сначала храбрецы совали в полымя бронзовые мечи, затем – край одежды, потом и руки. Огонь не опалял. Понемногу Валтасар и его гости начали терять интерес к странной иллюминации и, пожалуй, уймись сейчас Верховный жрец, продолжили бы свое пиршество, за чашами вина гадая, что ж это за штука такая случилась нынче на пиру. Однако жрец и не думал униматься. Хорошо поставленным голосом он клеймил царя и его отца за недостаточную финансовую помощь храму и за чрезмерное внимание, уделяемое служителям иных культов. Особенно доставалось эбору, которым в речах первосвященника отводилась роль злокозненных врагов, намеревающихся коварно погубить вавилонское царство.

– Они только и помышляют, – голосил первосвященник, – похитить у нас и отдать своему богу святая святых Вавилона, залог благополучия и процветания нашей земли, драгоценный знак милости Судьи богов – «Дыхание Мардука»! Ибо ведомо о нем...

Начальник охраны, стараясь не зацепить прочувствованно вещавшего жреца, по широкой дуге обогнул оратора и преклонил колени перед государем.

– Тот, о ком ты спрашивал, доставлен, мой повелитель!

Кархан, по-прежнему стоящий подле Валтасара, глянул туда, откуда только что пришел оружный царедворец. У входа в залу пара стражников, держа копья на изготовку, стерегли сравнительно молодого, лет, пожалуй, немногим больше тридцати, мужчину. Грозный скиф нахмурился, пытаясь скрыть удивление. По его расчетам, пророк, коему теперь надлежало дать воспетую в библейской легенде трактовку огненного граффити, должен был выглядеть куда как старше!

Тело сухощавое, но крепко сбитое. Длинная, очевидно, никогда не знавшая бритвы, черная борода едва начала сесть. Вытянутое лицо покрыто темным загаром и сильно обветрено. Взгляд из-под густых тяжелых бровей кажется гордым, но... В облике незнакомца Кархану почудилось нечто такое, что заставило насторожиться. Покуда он не мог понять что, но все же насторожиться не преминул.

Царь остановил жестом обличительную речь Верховного жреца и поманил к себе диковинного гостя.

– Я слышал о тебе от государя, отца моего! А тот видал еще при дворе Навуходоносора. Время милостиво к тебе! Ты почти не постарел с тех пор, Даниил!

– Все в руке господней, великий сын славного отца! Он дает, и он же забирает, – радуясь болтливости царя, в столь немногих словах ознакомившего гостя с историей жизни Даниила, смиренно произнес Намму.

– Правду ли сказывают мне, будто предрекаешь ты конец вавилонскому царству?

– Ветер ли предвещает пришествие зимы, или же зима порождает ветер? – не утруждая себя прямым ответом, парировал жесткий вопрос тот, кого царь именовал Даниилом.

– Но не ты ли разъяснил в прежние годы царю Навуходоносору, что царство его – колосс на глиняных ногах, и близится час, когда сорвавшийся с вершины камень сокрушит его?

– Зачем спрашиваешь меня, царь, о том, что и без слов моих ведомо тебе? Да и где ныне тот, кто вопрошал прежде о знаках дивного сна? Где нынче дети его? Но колосс стоит, и будет стоять до того часа, пока ноги его не переломит камень.

Валтасар, дотоле пытавшийся изображать радушного хозяина, нахмурился.

– Столько лет изгнания так ничему и не научили тебя, Даниил! Ты вновь пришел сюда, чтобы смущать умы и сердца народа своего. Я почитаю мудрость твою, но мой удел – править этой страной, и если речи твои грозят ей смутой, – берегись гнева моего! Или думал ты, сын утратившего царствие свое, что сможешь ускользнуть от моих очей?

– Когда господу угодно, он и солнце самое прячет среди туч, – без запинки выпалил пленник.

– Ладно, – скривил губы Валтасар, – пустой спор! Сможешь ли ты, тот, кого народ эбору величает пророком, открыть мне смысл диковинных слов, начертанных пламенем негасимым на стене моего дворца?

Намму пристально смотрел на Валтасара, пытаясь определить, кроется ли за словами правителя какой-либо тайный умысел, намерен ли царь продемонстрировать гостям ничтожество самозваного пророка, или же действительно, не в силах разобрать, о чем говорит полыхающая на стене надпись. Намму не в первый раз было стоять пред суровыми взглядами разнообразных судей, но прежде у каждого из них поблизости были кнут или палка. Познакомившись с ними значительно ближе, чем того желал, Намму довольно ловко научился угадывать по глазам и выражению лица допросчика, что тот желает услышать.

Сейчас Намму уже знал о себе много полезного: и то, что звать его Даниилом, и то, что происходит он из эборейского царского рода, и то, что выглядит значительно моложе своих лет. Вот только каких бы то ни было намеков на ожидаемый Валтасаром ответ, как ни тщился он, и близко не было. Старательно хмуря чело, Намму из-под густых бровей глядел на царя и ужасного верзилу, стоящего за его спиной. Царский телохранитель был космат, взгляд его почти черных глаз ощупывал Намму с той тщательностью, с какой малолетние воришки обшаривают суму и кушак уснувшего пьянчуги.

– Когда бы создатель мира не желал, чтобы живущие уразумели смысл писания его, разве стал бы он утруждать себя, – с пафосом вымолвил он, растягивая время.

Валтасар промолчал, должно быть, соглашаясь с предположением гостя, но завязать разговор на эту тему, как надеялся пленник, так и не удалось.

Намму перевел взгляд на пылающую надпись, лихорадочно стараясь придумать, что бы такое изречь, чтобы красиво звучало, с одной стороны, и при этом за сказанное не пришлось поплатиться жизнью. Мысли, должно быть, вспугнутые буравящим взглядом устрашающего гиганта, вольными птицами кружили поблизости, не желая даже приближаться к его голове.

«Что бы сказать? – мучительно соображал Намму. – Что бы такое сказать?»

Он попробовал вызвать в памяти образ несчастного пророка, чтобы, быть может, хоть этим перенять частицу его прорицательского духа. Но кроме мелкозубой пасти крылатого демона ухееля, пред внутренним взором ничего не появлялось. Он стоял, глядя на пылающую надпись. Гости царского пира о чем-то оживленно шушукались, не спуская с него глаз и ожидая пророчества.

– Что же ты молчишь, Даниил? – донесся до его слуха голос Валтасара.

– Божья правда выше правды человека, – высокопарно изрек Намму. – Где найти слова малые, коими можно истолковать великое?

«Время наступает», – чуткий слух «пророка» выловил из пространства чьи-то брошенные на ветер тихие слова.

– Не ищи красивых речей! – поморщился царь. – Просто ответь мне, о чем говорят эти письмена.

– Время наступает! – Голос Намму звучал уверенно и звонко. В нем слышалась угроза, точно сам Адад – бог грома и бури тяжелой поступью надвигался на Вавилон.

– Но что же значат те слова?.. – начал было царь и осекся. Пламя, бушевавшее на стене, исчезло столь же внезапно, как и появилось. Гости вновь замерли, так что было слышно, как приближаются к пиршественной зале чьи-то быстрые шаги. Деревянные подошвы громко и четко стучали по каменным плитам, и все присутствующие с опаской и интересом уставились на дверь, в которой должен был появиться новый гость. Тот возник спустя мгновение, вызвав невольный выдох разочарования. Это был один из скороходов городской стражи. После быстрого бега лицо его лоснилось от пота, и темные глаза, освещаемые зажатым в руке факелом, глядели безумно. Отыскав взглядом по-прежнему восседавшего на троне Валтасара, он рухнул на колени:

– Государь, вода уходит из Евфрата!!!

Немало было выпито в этот вечер во дворце Валтасара: и крепкого пива, и вина здешнего, финикового, и драгоценного виноградного, привезенного за тридевять земель из дикой, овейной легендами Эллады. Но хмель оставил головы Валтасара и его гостей столь быстро, что смертоносный трезубец Адада⁸ не угнался бы за ним.

⁸ Трезубцем Адада в Вавилоне считалась молния.

Царь, приезжие князья и их многочисленная свита стояли на широкой боевой галерее крепостной стены, при свете многочисленных факелов наблюдая, как на глазах мелеет великая река, давшая жизнь городу.

– Об этом ли ты говорил, пророк? – Правитель Вавилона обернулся к стоявшему рядом Намму. Тот, как и все присутствующие, не сводил глаз с иссякающей воды. В голове его крутились события минувшего дня. Он вспоминал пастухов, убитых персидскими стрелами, многочисленных работников, сооружающих нечто вроде запруды. Когда-то, года два назад, приехавший из Вавилона купец, похваляясь могуществом властителей своей земли, рассказывал, что некая царица, дабы построить огромный мост через Евфрат, спустила воду из реки в специально устроенное для того озеро. А затем, возведя мостовые устои, вернула благословенную воду на прежнее место. Сегодня, переходя этот самый мост, Намму уже вспоминал рассказ купца. Сейчас же ему было памятно и другое: недавнее обещание начальника стражи открыть ворота.

– Что же ты молчишь, Даниил? – пристально глядя на стоявшего рядом пророка, настаивал Валтасар. – Ты мог бы и сейчас еще готовиться к смерти в лвином рву, когда бы я не повелел вытащить тебя оттуда. Неужели не хочешь отблагодарить своего избавителя?

Намму горько вздохнул. Будь он сейчас просто Намму – бесприютный изгнанник и нищий, он бы не замедлил проорать во все горло, что измена гнездится у самого трона, и персы вот-вот захватят город. Чем дольше царь и двор его смотрят, как мелеет река, тем скорее хитроумный Кир возьмет город под свою руку. Хитрость древняя, как мир. Старый Абодар так же вот ронял несколько мелких монеток на землю перед тем простофилей, чью суму намеревался почистить.

Он понимал, что не скажи сейчас царю об измене, притаившейся у Северных ворот, его шансы выжить исчезнут так же быстро, как исчезает капля воды, оброненная в полдень на раскаленный песок пустыни. Киру не нужны изгнанники, неспособные уплатить за свою жизнь даже самой малой цены.

– Я вижу, как северный ветер распахивает ворота, – придавая голосу звучность, проговорил Намму. – То грозный камень, сорвавшийся с вершины горы, несется сюда, чтобы сокрушить колосса на глиняных ногах.

Правду сказать, о колоссе и камне он услышал совсем недавно из уст самого Валтасара. Однако этот образ показался ему столь верным, что пренебречь таким подарком было бы глупо.

– Вот видишь! – гневно вскричал стоявший у плеча Валтасара Верховный жрец Мардука. – Этот злодей, упорствуя в злобе и гордыне своей, вновь предсказывает гибель твоей державе!

– Мой государь, вдохновенный любимец Мардука! – прервал свое обычное молчание косматый великан, стоявший за плечом Валтасара. – Быть может, ветер с севера, предшествующий роковому камню, не что иное, как враги, которые попытаются напасть на Вавилон через Северные ворота?

Намму взглянул на ужасающего скифа с благодарностью и, к удивлению своему, перехватил весьма заинтересованный взгляд с его стороны.

– Кархан! – обернулся к телохранителю Валтасар. – Я знаю, что твой народ поклоняется мечу, а ты, возможно, лучший воин своей земли. Тебе ведомо все о нападениях, особо же внезапных. Однако же стены Вавилона высоки, и башни его неприступны. Ни один таран не сможет сокрушить его медные ворота, а уж ветер и подавно! И все же, – он немного помолчал, – возьми свой отряд и отправляйся к Северным воротам, дабы воочию убедиться, что там все спокойно.

Трактовка божественного сообщения, пылавшего сегодня на стене, входила в число понятий, впитанных Русланом почти одновременно с осознанием собственного имени. В те дав-

ние времена, когда инженер-полковник Михаил Караханов, мотаясь с женой по дальним точкам, ковал ракетный меч социалистического Отечества, их сын был оставлен на попечение деда, профессора Введенского. Тот, вздыхая о судьбе непутевой дочери, рассказывал внуку занимательные истории. О царевиче, найденном в корзине среди нильских камышей. О горящих письменах на стене царского дворца, о великолепном корабле, в котором путешествовало любимое богом семейство с целым зоопарком. Последняя история мальчика занимала больше всех иных. Оттого, что дед, рассказывая ее, ссылаясь на своего деда – известного в прошлом питерского священника, в фантазиях внука Ной превращался в деда его прапрадеда, тем более что отчество того было Семенович. Мальчик, не будучи тогда силен в грамоте, производил его от имени Сим. Когда он подрос и выяснил, что Сим и Семен – разные имена, его ждало первое жестокое разочарование в жизни. Корабль с зоопарком разбился о скалы неотвратимой реальности.

Нынче случилось нечто подобное. Никто ничего не взвешивал, не отмерял, зато уж время точно наступало на пятки и смертным холодом дышало в спину.

Он знал, что сегодня ночью отряд «стражи покоев» Кира должен войти в открытые предателем ворота и, как теперь говорят, без единого выстрела овладеть Вавилоном. В этой катасии Кархану было приказано выжить, и если придется, то поступить на службу к Киру, чтобы продолжить выполнение институтского задания.

Однако сегодня обстановка изменилась в корне. Появление необычайного пророка могло внести существенные изменения как в историю этого мира, так и в политику Института относительно него.

Он вел свой отряд, собранный по всей Вавилонии приказом царя в последнюю, быть может, битву. Вел, подбадривая лично им обученных и снаряженных воинов, терзаясь вечным вопросом сотрудников Института: «Имею ли я право поступать, как поступаю?»

– Кархан! – раздалось с головы колонны. – Кархан, они открывают ворота!

Глава 4

*Кролики – самые лучшие эксперты по внутреннему миру удавов, но и самые молчаливые.
Джеральд Даррел*

Едва заметные в ночи, персы врываются сквозь распахнутые ворота в спящие кварталы Вавилона. Они были грязны и страшны, как демоны, вырвавшиеся из преисподней. Мокрая жижа капала с завоевателей на белый камень, оставляя бурые следы позади них. Пройдя вброд по мутному потоку пересыхающего русла, отборная гвардия, «стража покоев» Кира, с жутким воем спешила захватить прилегающие к воротам улицы, чтобы дать свободный путь остальному персидскому войску. Сейчас их было не больше тысячи, но стоило им только укрепиться, ничто не спасло бы Вавилон от завоевания.

Кархан вел свой отряд в бой, с замиранием сердца ожидая момента стычки. Никогда прежде ему не доводилось участвовать в чем-либо подобном. Спортивные победы, тренировочные зачеты – это одно. Сейчас же, когда залогом жизни является лишь собственная ловкость, институтский доспех и божье попечение, – все по-другому. Смертельная опасность смотрит прямо в глаза.

Две легкие тростниковые стрелы ударили в его грудь. Персы всегда считались отменными лучниками. В этом народе сызмальства каждый мальчик знал, что будет достойным мужчиной своего рода, если научится метко стрелять из лука, ловко управлять конем и говорить правду.

Две стрелы ударили в грудь Кархана, затем еще одна, и отскочили, не причинив ни малейшего вреда. На испытаниях подобные доспехи обстреливали из автомата Калашникова. Пули со стальными сердечниками оставляли вмятины, остальные попросту рикошетили. В скифской гвардии Валтасара он, единственный, имел доспех и оружие, «дарованные могучими богами гипербореев», но и о своих подчиненных он позаботился со всей тщательностью. Усиленные железными пластинами доспехи из вываренной буйвололовой кожи, шлемы с забралом, железные мечи, скованные в соответствии с «секретами скифского ремесла», а главное, боевая подготовка, делали небольшое войско Кархана достойным противником отборной гвардии Кира.

Когда после окончания университета молодому лейтенанту Караханову было приказано отправляться тренером в сержантскую учебку, он и помыслить не мог, что когда-нибудь ему придется гонять вовсе не будущих младших командиров российской армии, а таких вот молодых. Впрочем, тогда он не проработал в учебке и месяца. Центральный Спортивный Клуб Армии быстро сумел доказать армейскому руководству, что им молодой перспективный мастер спорта значительно нужнее.

Два отряда столкнулись возле самых ворот. Обычно персы старались не принимать прямого рукопашного боя, не проредив до того строй противника великим множеством стрел. Однако сейчас дистанция удара была слишком коротка. Прикрывшись беотийскими щитами, выставив копья в их вырезы, люди Кархана с боевым кличем ударили по толпящимся у ворот персам, сбивая вниз легкие, плетенные из лозы щиты и разя с одного удара наповал. Они били коротко и жестко, быстро пронзая незащищенные части тела и конечности, спеша закрыться от ответного удара и изготавиться к бою.

Неистовый Эрра – бог войны и чумы, загнанный в незапамятные времена Мардуком в мрачные чертоги Подземного царства, в грозной ухмылке щерил свою ненасытную пасть и потирал когтистые руки, предвкушая богатую добычу.

Кархан знал то, о чем не имел понятия ни один скиф этого времени, да и сами персы не догадывались. Он знал, что яростные в атаке, эти бесстрашные воины не способны держать прямой копейный удар сомкнутого, отгородившегося щитами строя. Будь на улице место

для маневра, персы, несомненно, симитировали бы ложное отступление, пытаясь разорвать сомкнутый щитовой строй, и тут же бросились бы охватывать фланги войска, потерявшего свою монолитность. Но улица слишком тесна для охватов, а зажатые в воротах гвардейцы Кира, пытаясь отступить, лишь сеяли панику в собственных рядах, которые, в силу инерции наступления, безостановочно напирала сзади.

Не успело полночное светило уступить место на небосводе дневному собрату, как медные ворота неприступного Вавилона вновь захлопнулись перед самым носом у персов. А лучники Валтасара, занявшие место на боевой галерее, не жалея стрел, продолжали отправлять все новые жертвы в пасть ненасытного Эрру.

Это был черный день в жизни дотолы непобедимого Кира. Он метался по своему шатру, украшенному золотыми головами линдвормов, поднимая такой ветер, что тяжелые полотнища из верблюжьей шерсти вздымались, подобно корабельным парусам. Впрочем, быть может, их раздувал проснувшийся чуть свет западный ветер, но приближенные чувствовали, что не сила природы, а царский гнев тому причина. Кир был вне себя, точно стая демонов, помутив его разум, нашла себе жилище в теле государя. Никогда еще он не чувствовал себя столь беспомощным и столь дерзко обманутым в своих ожиданиях. Его план, равного которому не ведали от берегов Нила до берегов Инда, тонко задуманный и прекрасно осуществленный, рухнул, как заморенная кляча. Утренние вести были мрачнее ухеелей, клюющих трупы погибших.

Гвардия Кира была воистину огромной. Основная ее часть – дважды по десять тысяч воинов, конных и пеших, составляла охрану царской столицы. Еще две тысячи, также разбитых на две части, были его личными телохранителями, набранными исключительно из мужчин его рода. Если первые, именуемые «бессмертными», были сердцем его армии, то вторые – «стражи покоев» были ее душой и особой радостью Кира.

Сейчас, когда усердные писцы, сверяясь с записями в длинных свитках, называли ему имена убитых, раненых и попавших в плен, царь физически чувствовал острую боль, как от ударов железных клювов тех самых черных падальщиков. В сердцах он цедил сквозь зубы клятвы отомстить и смыть кровью позор сегодняшней ночи. Однако умом Кир понимал, что второй попытки не будет. Боги ополчились против него. Не успел он еще прийти в себя, осознав, что победа впервые в жизни отвернулась от него, как к царскому шатру примчался гонец на взмыленном парфянском жеребце...

Точно подслушав мысли царя, ветер распахнул тяжелую полу шатра, представляя взору Кира отточенный кол, на котором в страшном оскале красовалась голова гонца, имевшего несчастье принести недобрую весть. Какой-то наглый мошенник, называя себя племянником Креза, взбунтовал против него золотоносную Лидию! А это значило, что караваны из Фригии и золото самой Лидии окажутся в руках мерзкого самозванца. Недолго же тому осталось жить!

Кир до хруста сжал кулаки. Вдали, за головой вестника, четко прорисовывались башни Вавилона. Стоит персам сейчас повернуть свои боевые колесницы в сторону Лидии, как в спину царской армии ударит армия Валтасара. Кир не сомневался в этом, он бы сам поступил так на месте повелителя Вавилона. Нет, оставлять за спиной непокоренную твердыню Божьих Врат слишком опасно. Разделять силы, отправляясь в рискованный дальний поход, – тоже безумие, тем более что на лидийское золото «Крезов племянник» может нанять и спартанцев, и аргосцев, и египтян, да и афиняне не прочь будут предоставить свой флот для набегов на его, Кира, земли... Но оставаться здесь долее тоже нельзя – это царь понимал и не подвергал сомнению. «Что же, – наконец овладевая хоть в малой степени переполнявшими его эмоциями, мрачно вздохнул Кир, – если для штурма не хватает сил, а для осады – времени, придется искать мира. А там – либо союз, либо...» – На губах Кира появилась хищная ухмылка, какая возникала всякий раз, когда царь принимал твердое решение лишить кого-либо жизни. Что ж,

Валтасар, в отличие от своего отца, умеет воевать. Сегодняшняя ночь, если верить тому, что рассказали участники боя, не была случайной победой. И все же...

Кир развернулся и хлопнул в ладоши. Дежурный писец с пергаментным свитком, в любой момент ждавший вызова, не замедлил предстать пред грозные очи государя.

– Пиши, – скомандовал Кир, – да отступи место, потом начертаешь лестное приветствие царю Валтасару.

– Мой великий собрат! – начал диктовать он. – Так же верно, как быки служат пищей львам, так и львы существуют, дабы поедать быков. Однако же лев почитает льва, и, ежели достаточно вокруг дичи, не дерзает преступить владений соседа.

Отринем же навечно былые обиды, ибо как, если не по клыкам, узнаем мы львов? И станем отныне братьями. Вокруг довольно тех, кто станет нам добычей, с тем, чтобы в союзе мы не уязвляли друг друга.

Кир еще раз усмехнулся. В Вавилоне почитали львов, однако же, мало кто знал об их повадках на воле. Зато ему было прекрасно известно, какие злобные свары устраивают львы между собой, как изгоняют они утратившего силу вожака, как убивают детенышей соседа. Он знал об этом не понаслышке. Еще с тех пор, когда совсем юным принцем убил своего первого льва на горном плато Мидии.

– Лев – грозный зверь, – продолжал улыбаться повелитель огромной державы. – Грозный, но не слишком умный. Пальцы царя сошлись на рукояти висевшего на поясе кинжала. Того самого, которым много лет назад он добил первого льва. Заверши письмо заверениями в нашем почтении и дружеских чувствах. И напиши, что я посылаю ему богатые дары в знак восхищения. И дабы скрасить тягостные воспоминания, которые лежат между нами.

– Повинуюсь, мой государь! – заученно согнул спину писец. – Все представлю в самых изысканных выражениях.

– Хорошо, – кивнул царь. – Поторопись! Пусть мой племянник Дарий как можно скорее отвезет послание царю Вавилона.

– *Скиф вызывает базу Восток-Центр. База Восток-Центр, ответьте Скифу.*

– *Слушаем вас, Скиф,* – отозвалась приятным женским голосом База.

– *Доброго времени суток,* – приветствовал Кархан диспетчера. – *У меня здесь непредвиденная ситуация.*

– *Какая?* – насторожилась диспетчер на канале закрытой связи.

Кархан помедлил, но затем, слегка запинаясь, произнес.

– *Здесь объявился пророк Даниил.*

– *Вот как?!* – В этом удивленном возгласе сквозил дежурный интерес, но, пожалуй, не более того. Впрочем, чего было ожидать – сотрудники диспетчерских Центров, вернее сотрудницы – обычно жены кого-то из мужского персонала Института. Они тщательным образом фиксируют и передают наверх результаты сеансов закрытой связи, готовят подборки необходимой агентам информации, а также доводят решения руководства до сведения оперативников. Редко кто из них имеет специальное образование и может самостоятельно оценить важность информации.

Для девушки, сидевшей сейчас у пульта, пророк Даниил был фигурой даже не легендарной, а просто нереальной. Вряд ли его пророчества, да и само существование когда-либо были предметом ее размышлений. Руслану же с этим персонажем сталкиваться уже приходилось. Давно, еще в университете. Тогда, работая над курсовой по религиоведению, он честно изучал первоисточники и комментарии и утверждал в своей работе, что Даниил – фигура скорее всего вымышленная, быть может, собирательный образ. Что книга приписываемых ему пророчеств была написана много позже так называемого «вавилонского плена», примерно между 168-м и 164 гг. до н. э. Об этом свидетельствовали и грубые ошибки в реалиях эпохи Новоавилонского

царства. Так, Валтасар именовался здесь сыном Навуходоносора, а под стенами, по мнению Священного Писания, там, где сейчас стояли шатры Кира, должны были находиться войска его родственника, Дария, и многие другие нюансы, о которых человек VI в. до н. э. знать не мог, в отличие от его собрата, живущего тремя-четырьмя веками позже.

Руслан так основательно разгромил ветхозаветные сказания, что сам остался доволен. И вдруг сегодня является этот самый пророк. Является не где-нибудь, а на пиру Валтасара, где действительно на стене возникает весьма странное граффити. И этот пророк, как ни в чем не бывало, выживает, брошенный в ров ко львам, и на пиру он, не моргнув глазом, толкует загадочные письмена, словно всю жизнь только этим и занимался. Выходит, библейское повествование о Данииле имеет под собой основание?! Правда, тот вариант толкования, который прозвучал нынче на пиру, сильно отличается от привычного, но ведь суть его оказалась верной! Более того, такая трактовка божественного послания вполне согласуется с другим пророчеством, прозвучавшим много лет тому назад, о колоссе на глиняных ногах.

Кархан задумался, прикидывая в уме, сколько же лет назад юный Даниил растолковал царю Навуходоносору его загадочный сон. По всему получалось, без малого 50 лет. Если в ту пору ему было больше тринадцати, а в народе эбору мальчик считается взрослым с тринадцати лет, то сейчас этому человеку уже хорошо за шестьдесят. Перед глазами возник образ вчерашнего спасителя Вавилона. Едва начавшая сесть борода, сухое, но жилистое и крепкое тело, – пожалуй, он бы с большой натяжкой мог дать ему лет сорок. Впрочем, кто их знает, этих боговдохновенных пророков?

– *Я сообщу руководству*, – после недолгой паузы вежливо продолжила девушка на канале закрытой связи. – *Если хотите, могу соединить с отделом разработки.*

– *Постойте*, – несколько резко прервал ее оперативник. – *Я прошу доложить руководству, что принял решение о вербовочном подходе к пророку Даниилу. Возможно, для этого мне понадобится группа оперативников.*

– *Неужели это так серьезно?* – встревожилась диспетчер.

– *Пока ничего особенного*, – возможно, несколько лукавая, ответил Кархан. – *За исключением того, что Вавилон не пал. Царь Валтасар цел и невредим. А Кир несолоно хлебавши стоит под стенами, раздумывая, что ему предпринять дальше. Если добавить к этому имеющиеся у меня агентурные данные о восстании в Лидии, то я считаю разработку пророка Даниила более, чем своевременной и оправданной.*

– *Понятно*. – В тоне диспетчера уже слышалась озабоченность. – *Стало быть, над Персией сгущаются тучи.*

В доме под лазуритовой переплетенной звездой в это утро царило радостное возбуждение. Еще бы! Благословением Всевышнего, надежда и опора народа эбору – царевич Даниил не только спасся от неминуемой, казалось бы, гибели, но и, с божьей помощью, обуздал гордыню идололюбивого правителя Вавилона и силу яростного Кира. Слухи по городу распространялись быстро, и принесенная из дворца весть, что Валтасар, узревший воочию мощь божественной длани, оставляет Даниила при себе первейшим советником, наполняла сердца радостью, а руки – силой.

Дочери Иезекии, как обычно, хлопотавшие по дому, готовили праздничный обед. Хозяин лавки, один из самых богатых и влиятельных людей в местной общине, сиял, как золоченое блюдо для пиршеств, тщательно вычищенное в преддверии большого праздника! Конечно, он помнил предсказания старого пророка Иеремии о том, что, прогневивши Бога, народ эбору будет жить в плену вавилонском десять седьмин.⁹ Но уже прошло семь седьмин. И всякий

⁹ Седьмина – традиционное летосчисление в библейские времена семилетними циклами. После семи седьмин наступал юбилейный год.

истинно верующий знает, что наступивший год – священный год. В это время принято освобождать рабов, прощать долги, возвращать отданные в заклад владения. Неужели же Господь, чье могущество безмерно, а милость не знает границ, не сделает для своего избранного народа то, что всякий достойный хозяин готов сделать для своих работников? Нет, воистину приход Даниила – это великий знак! Иезекия пытался вообразить себе далекий и великий Иерусалим, о котором в прежние времена много рассказывал отец. Самому ему никогда не доводилось видеть землю предков, завещанную богом его народу землю обетованную. Ему представлялись реки, текущие молоком, сады на склонах холмов, величественные кедры, в тени которых лев может возлежать рядом с агнцем. От неясного предчувствия у него защемило сердце. Если Господь будет милостив к своим чадам, то уже очень скоро народ эбору вернется в родные пределы. И конечно же, Даниил, ныне ставший могущественным вельможей и любимцем царя Валтасара, сам взойдет на трон Давида, как положено ему по рождению. Уж тогда-то он непременно вспомнит своего преданного слугу – Иезекию, и да воздаст ему бог за справедливость, приблизит к себе. А как же иначе? Разве не приняли его в этом доме со всем возможным почетом и уважением? Разве не угостили, разве его красавицы-дочери не омыли ног утомленного путника?..

Почтенный меняла невольно поморщился. Да, горе ему – ни он, ни его гости не смогли отстоять царевича, когда за ним пришла стража. Но что могли они, почти безоружные, против этакой уймы вооруженных воинов? Да и, кроме того, устрой они здесь кровопролитие, разве предстал бы Даниил в кратчайшее время пред царские очи? Нет, воистину Господь направляет стопы избранника своего! И не по силам скромному торговцу узреть суть божьего замысла!

Однако мысли Иезекии, устав витать в горних высях, вновь обратились к привычным земным делам. Если Даниил станет царем, ему надлежит подумать о продолжении рода. А чем, спрашивается, его красавицы-дочери не подходят для этого? Иезекия вскользь, чтобы не отвлекать девушек, глянул на хлопотавших у очага любимиц. Воистину Господь наградил их безмерно и красотой, и кротким нравом. Правда, рода они не царского, но ведь не отребье какое-нибудь!

Новая идея целиком захватила воображение смекалистого менялы. Он уже видел себя царским тестем, выезжающим на колеснице, запряженной четверкой быстроногих скакунов, в окружении многочисленной свиты и скороходов с трубами. Пожалуй, следовало бы напомнить Даниилу о себе.

Иезекия поскреб затылок. «Как бы это получше устроить? Пригласить на пир? Вряд ли он придет. Валтасар желает видеть его при себе. Как говорится, „если б знать, куда уходит вчера, можно стать богаче, чем жрецы Мардука“. Может быть, подарить что-нибудь ценное? Впрочем, о чем это я?»

Темные глаза Иезекии блеснули, и на пухлых губах появилась улыбка, какая обычно бывает у младенцев, наконец ощутивших во рту вкус материнского молока.

– Сусанна! – Он подозвал старшую из дочерей. Та поспешила на зов отца и, опустив очи долу, стала ждать его распоряжений. – Сейчас ты пойдешь в царский дворец и найдешь там царевича Даниила.

– Но, отец, кто меня пустит туда?

– Пустят, – кивнул Иезекия. – Вчера, когда стража дерзнула коснуться его, здесь осталась сума, полная свитков. Я посмел глянуть в нее лишь одним глазком, но, полагаю, пергаменты и папирусы, коими она наполнена, имеют немалое значение для нашего царевича, иначе бы он не стал нести этот груз в такую даль, отказывая себе в самом необходимом для жизни. Поэтому сейчас ты возьмешь суму и пойдешь во дворец. Если кто-нибудь скажет, что сам передаст твою поклажу царевичу Даниилу – не соглашайся! Даже если тебе придется стоять у ворот дворца сегодняшней, завтрашней и послезавтрашней день – стой. Я распоряжусь, чтобы тебе

приносили еду и питье. Можешь кричать во весь голос, что ты дочь Иезекии бен Эзры и должна передать нечто очень важное господину царскому советнику.

– Но ведь стража может схватить меня!

– Я тебя выкуплю. А чтобы кто другой не обидел, пошлю с тобой пару слуг с палицами. Передай царевичу Даниилу эту суму лично и пригласи его к нам на пир. При этом гляди ему в глаза.

– Но я не смею.

– Ты не смеешь ослушаться воли отца. Твои глаза – точь-в-точь глаза твоей матери, бедной моей Мириам. Я помню, когда впервые увидел их вблизи, сердце мое заколотилось, как таран в медные ворота, и я не ведал ни минуты радости, ни часа покоя, пока вновь не увидел их. Прочие смертные, созерцающие облик твой, по справедливости должны возблагодарить Бога Единого за это счастье. Но лишь достойный может воспринять это сокровище из рук моих. Ступай, дочь, и благословение Всевышнего, да пребудет над тобою!

Ко всему привыкшая стража ворот Иштар с интересом глядела на богатый караван, неспешно втягивавшийся в широкую, как река, улицу Процессий. За годы службы они видели множество караванов, но такого количества груженных повозок, запряженных онаграми,¹⁰ верблюдов, покрытых драгоценными коврами, ниссийских жеребцов, ведомых под уздцы суровыми бородачами-мидийцами, видеть им, пожалуй, не доводилось. Что уж говорить о праздных зеваках, жавшихся к покрытым синими изразцами стенам в надежде разглядеть, какие подарки великий царь Персии желает преподнести вавилонскому собрату.

Сусанна, вышедшая из дому в сопровождении пары слуг-нубийцев, прочно застряла в толпе, желающей поглазеть на чужие богатства. Конечно, прикажи она – и черные, как южная ночь, молчаливые силачи-нубийцы, грозя дубинами и свирепо скаля зубы, освободили бы ей путь. Но, воспользовавшись случаем, она лишь пробилась к самой линии стражи, чтобы получше разглядеть гостей из дальних стран. Мимо девушки в гордом, величавом спокойствии шли диковинные звери, именуемые бактрианами. Они неспешно поднимали и опускали на камни свои мозолистые ноги, точно плыли в густом раскаленном воздухе полудня. Их покрытые рыжевато-бурым мехом бока медленно вздымались, и смешные горбы с поникшими мохнатыми вершинами качались в такт шагам. Между горбов было устроено нечто вроде небольших шатров.

Сусанна знала – в таких покрытых драгоценными тканями паланкинах у кочевых народов принято возить знатных красавиц, дабы ни испепеляющие солнечные лучи, ни раскаленный песок, носимый ветром из края в край, не коснулись их нежной кожи. Ей очень хотелось одним лишь глазком взглянуть на этих дев, воспетых поэтами и окутанных завесой тайны не менее, чем златоткаными покрывалами шатров.

Сусанна подалась вперед, надеясь, что ветер, как всегда веющий от реки вдоль улицы, раздует полы драгоценных наметов и позволит ей удовлетворить свое любопытство. Впрямь ли эти красавицы так хороши, как о том сказывают?! Но тяжелая материя, должно быть, к тому же предусмотрительно закрепленная, едва колыхалась, лишь пряные сладкие запахи доносились из-под богато украшенных занавесей. Воздух был напоен ароматом сандала и жасмина, белых лилий и алого цветка гюль. Каждый такой шатер дарил ей новый аромат, и Сусанна невольно втянулась в игру, стараясь представить себе по запаху прелестниц, предназначенных для услады царя Валтасара.

Она знала, что владения персов столь обширны, что когда в одних землях восходит Солнце, жители других уже видят его диск, исчезающий в Великом океане. Какими же разными могут быть красавицы столь разных народов?! Сусанна и сама не раз ловила на себе вос-

¹⁰ Онагр – упряжное животное в Месопотамии. Родственник осла.

хищенные взгляды гостей и слуг, впрочем, не больше, чем младшая сестра Ханна. И сейчас, со всей страстью ее пятнадцати лет, девушке хотелось знать, красивее ли она тех, кто скрыт под золотыми покрывалами. В этом она боялась признаться даже самой себе. Но когда вновь и вновь жадно втягивала наполненный ароматами воздух, понимала, что ничем иным задержку по дороге к дворцу объяснить невозможно.

Сусанна поправила тонкими длинными пальцами выбившийся из-под белоснежной накидки черный локон и вновь принюхалась. Проходящий мимо бактриан пах... бактрианом и... она вновь принюхалась, не веря своим ощущениям. Однако наваждение не уходило: из-под драгоценного покрывала пахло въевшимся конским потом. Пожалуй, даже скифские женщины не могут так пахнуть! Внезапная мысль пронзила мозг Сусанны, точно вертел готового к жарке каплуна. Она повернулась к замершим в ожидании приказа нубийцам:

– Ко дворцу!

Глава 5

*Каждому снаряду – высокую цель!
Лозунг войск ПВО*

Толпа у дворцовых ворот была много гуще, чем возле дома Сусанны. Любопытствующие зеваки через плечи стражи пытались заглянуть во двор Валтасарова чертога, чтобы сквозь открытые ворота разглядеть драгоценные подарки. Воины городской стражи, не особо церемонясь, с руганью отталкивали наглецов древками копий. Однако те по-прежнему напирали, не обращая внимания на пинки. На месте глазееющих бездельников, которых увесистые тычки и брань заставляли отступить, появлялись новые зеваки – и так без конца.

Нубийцам, расталкивающим праздный люд перед дочерью хозяина, по мере приближения к воротам приходилось все труднее.

Наконец, они уперлись в цепочку стражи и остановились в ожидании нового приказа.

– Мне нужен Даниил – царский советник! – пробившись к одному из стражей, гордо заявила девушка. Тот, не удастая ответом, повел копьем, отталкивая назойливую просительницу. Однако толчка не последовало. Рослый нубиец вклинился между стражником и хозяйкой, перехватывая оружие и скалясь так, словно намеревался перегрызть обидчику горло. Возмущенный таким бесцеремонным поведением, вавилонянин с силой дернул копье на себя, нубиец разжал ладони, и его противник с размаху уселся на мостовую под общий хохот. Прочие стражники поспешили сомкнуть ряд и с еще большим усердием начали отталкивать напирающую толпу.

– Я Сусанна, дочь Иезекии бен Эзры! – во весь голос, как учил отец, крикнула девушка. – Мне нужен Даниил – советник царя Валтасара!

– Кому это здесь нужен Даниил? – вдруг раздалось чуть сзади и сверху. Расталкивая столпившихся крупом своего коня, к ней приближался богато одетый всадник. Спина его скакуна была покрыта шкурой барса, и он гордо, как будто только что лично убил этого зверя, восседал на ней, сжимая коленями мерно вздымающиеся конские бока. Сусанна тут же узнала надменного всадника. Не далее как вчера он командовал негодями, схватившими царевича Даниила. Да и раньше она часто видела его у ворот Иштар. Это был Нидинту-Бел – начальник городской стражи. Поговаривали, что отцом его был сам Набонид, и хотя официально о таком родстве нигде не упоминалось, внешнее сходство со старым Набонидом действительно просматривалось.

– Я Сусанна, дочь Иезекии бен Эзры! – вновь, уже значительно тише повторила девушка. – Мне нужен Даниил.

– Это я уже слышал. – Нидинту спешился. – Зачем тебе этот мошенник?

Он протянул руку и, ухватив край накидки, закрывавшей лицо Сусанны, резко отдернул белую ткань в сторону.

– О! – В глазах молодого вельможи блеснул огонек нескрываемого восхищения. – Неужто сама Инанна¹¹ почтила царский двор своим вниманием?

– Мне нужен Даниил, – упрямо продолжала твердить дочь Иезекии, поправляя накидку и опуская глаза, чтобы не обжечься о горящий взгляд молодого царедворца.

– Ты так и не ответила, зачем он тебе. Поверь, он недостоин твоего внимания. Слышала бы ты, как смердел этот пророк, когда мои люди вытащили его из львиного рва. Впрочем, если он так уж тебе нужен, останься со мной. Нынче вечером царь устраивает пир в честь своего нового персидского союзника. Там будет и твой вонючка. А до того часа у нас будет немало

¹¹ Инанна – богиня плодородия, плотской любви и распри.

времени поближе узнать друг друга. – Он властно обхватил тонкий стан девушки и беззаботно притянул ее к себе. Сусанна уперлась руками в грудь вельможи. Нубийцы недовольно ощерились, но не двинулись с места. Уж в очень плохой компании находилась хозяйская дочь.

– Мне нужен Даниил – царский советник! – Голос Сусанны был полон отчаяния. Она звала на помощь, но ждать подмоги было неоткуда.

– Я Даниил! – послышалось со стены, окружающей дворец. Между зубцами показалось суровое лицо с длинной, чуть седоватой бородой цвета воронова крыла. – Кто это зовет меня?

Намму, перегнувшись через парапет, начал всматриваться в толпу, стараясь увидеть ту, которая выкрикивала его новое имя. Сделать это было несложно. Рослые чернокожие рабы и вельможа в драгоценном вызолоченном доспехе служили достойным обрамлением для юной красавицы.

– Постой, я тебя знаю! – Он взмахнул рукой. – Ты дочь хозяина лавки, что у ворот Иштар.

– Да, да, – быстро закивала Сусанна. – Мой господин, я принесла вашу суму.

– Эй, стража! – Намму моментально напустил на себя вид знатного царедворца. – Пропустите ко мне эту девушку!

– И не подумаю! – вспылил Нидинту. – Кто знает, может, она умыслила что-либо злое против нашего царя или же повелителя наших друзей-персов? Впрочем, – начальник городской стражи окинул Сусанну плотоядным взглядом, – я с удовольствием ее обыщу.

– Ничего она не замыслила, – сдвинул брови к переносице царский советник. – За это я ручаюсь.

– А кто поручится за тебя?

Перепалка грозила разгореться не на шутку, но тут толпа восторженно заревела, радостно выкрикивая имя, которое еще утром шептала с тревогой и ужасом:

– Кир! Кир!

– Мы расстанемся ненадолго, – скороговоркой заверил Сусанну разочарованный вельможа, подозрительно смахивающий на молодого Набонида, и рывком вскочил на коня с такой ловкостью, что даже пятнистая шкура барса на конской спине едва шелохнулась.

– Я сейчас к тебе спущусь! – донеслось со стены.

– Кир! – продолжала орать толпа, и начальник городской стражи, недовольно расталкивая сгрудившийся люд, направил скакуна туда, куда звал его долг службы.

Стражники с крайней неохотой подчинились воле нового царского любимца. Однако и сопротивляться ей им было не с руки. Многие, если не все, стоявшие нынче в карауле, слышали и о чуде со львами, и о ночном пророчестве. Молва разукрасила реальные события, как искусный кондитер кремовыми розами обычный бисквит. Если верить тому, о чем шептались сегодня у ворот, новый любимец царя просто воздел руки к небу – и львы послушными собачонками приползли на брюхе к его ногам.

Даниил, гордо подняв голову, прошествовал сквозь ряды стражи, ведя за собой девушку и ее спутников. Несмотря на всеобщее ликование, ему было отнюдь не весело. Нынешняя нелепая стычка, сколь бы мелка она ни была сама по себе, заставляла задуматься и настроиться. Намму отлично помнил, как именно он узнал о готовящемся вторжении персов и почему Северные ворота оказались вдруг открытыми перед неприятелем. Однако прийти к царю и открыто, прямо в глаза обвинить знатного вельможу в измене было невозможно.

Невозможно по многим причинам. Во-первых, сообщение о том, что не откровение небес, а всего только подслушанный разговор послужил основой его божественного прозрения, сводило на нет с трудом добытую славу пророка. Во-вторых, даже пожелай Валтасар проверить сказанное им, никаких доказательств не сыскалось бы. Стража у Северных ворот была найдена убитой. Кем? Кем же, как не персидскими шпионами. В таком огромном торговом городе, как Вавилон, их могли быть сотни. И уж конечно, Нидинту-Бел к этому не причастен, ведь он же

лично сопровождал пророка в царский дворец. А стало быть, его и близко не было у Северных ворот.

При этом и сам начальник стражи вполне может подозревать, что в деле с пророчествами не все так просто. Правда, и он об этом никому рассказать не посмеет, но уж среди друзей числить его вряд ли придется, а тут еще эта девушка...

Намму обернулся. Вырванная из рук сластолюбивого вельможи посланница шла за ним, робея и не решаясь нарушить затянувшееся молчание. Вряд ли начальник стражи простит, что он помешал прибрать ее к рукам.

– Я принесла тебе суму, мой господин, – расценивая взгляд пророка как разрешение говорить, начала Сусанна. – И приглашение на пир. Конечно, это будет не такой большой пир, какие устраивают здесь, во дворце, но зато там будут люди, которые искренне преданны тебе. И я... – она запнулась, вспоминая отцовские наставления и стараясь глядеть высокородному царевичу прямо в глаза, – я тоже буду рада видеть тебя.

«А девушка и впрямь очень хороша собой», – не отрывая взгляда от ее лица, подумал Намму.

Глаза Сусанны светились, точно какой-то чародей умудрился заточить два солнечных лучика в черном агате. Ее бархатистая кожа казалась необычайно светлой в сравнении с местными смуглолицыми красотками. А губы... Намму отвернулся, хмурясь, не желая, чтобы дочь Иезекии заметила горячий интерес в его взоре. Однако та приняла молчание и гримасу досады на свой счет.

– Прости, что я дерзнула, – тихо прошептала она, в своей беззащитной робости становясь еще более привлекательной.

– Заверь своего отца, – делая вид, что разглядывает выстраивающуюся посреди царского дворца процессию, выговорил государев советник, – что если дела при особе Валтасара позволят, я непременно навещу вас. Когда вы устраиваете пир?

– По окончании дня шестого, лишь только взойдет первая звезда, – с удивлением отзывалась Сусанна.

– Ну да, конечно, – с деланной рассеянностью кивнул Намму, – глупый вопрос. – «Нет, я ни в коем случае не пойду на этот пир. Там соберется толпа бедолаг, которые, должно быть, глядели на этого самого Даниила, почти как на бога. А я мало того, что не знаю, о чем с ними говорить, но и о традициях и вере эбору имею самое туманное понятие!»

Намму бросил еще один взгляд на собеседницу. Глаза ее сияли, и на лице читалась неподдельная радость. У царского советника невольно защемило сердце. Вспомнив прожитые годы, он с неотвратимой определенностью вдруг ощутил, что прежде никто так не радовался его обещанию прийти. С удивлением и почти ужасом Намму осознал, что готов дорого заплатить, лишь бы вновь, а лучше вновь и вновь видеть эти глаза, эти приоткрытые в детской улыбке губы.

«О, Мардук, озаряющий небеса светом предвечной мудрости своей! – подумал он. – Прежде и на царских пирах бывать мне не доводилось. А вот, поди ж ты, жив. Да что там жив, – сын Абодара провел рукой по толстой золотой цепи, висевшей у него на шее, – царский советник!»

Видели бы его сейчас сограждане, еще совсем недавно улюлюкавшие вслед нищему изгнаннику!

«Лишь бы теперь это все не закончилось, как сон. – Течение мысли Намму прервало невесть откуда проросшее дикое опасение. – А может, это все же сон? Может, там, у кромки пустыни, силы все же оставили меня? И я упал между камней, и вот теперь мне грезится все это: и черноокая красавица, и царский двор, и Кир с его войском? Быть может, на самом деле все это лишь предсмертная судорога моего воображения, и мерзкий ухеель кружит где-то над головой, подстерегая, когда долгожданная трапеза перестанет наконец конвульсивно дергаться?»

Намму тряхнул головой, стараясь отогнать наваждение, и поднял глаза к небу, чтобы лишний раз убедиться, не реют ли над ним, распахнув вырезные кожистые плащи-крылья, ухели. Драконов не было. Они вились тут с самого рассвета, но, видя, что мертвые тела предаются земле или огню, разочарованно улетели прочь.

Звук длинных, оканчивающихся витыми морскими раковинами, медных труб, гулко известил народ о заключении вечного союза между Персией и Вавилоном. Громогласный вопль ликования вознесся к небесам, распугивая окрестных птиц и привлекая внимание богов как своего, так, возможно, и соседских пантеонов. Валтасар и Кир вышли на ступени дворца, где были установлены для них золотые троны. По правую руку от них располагались телохранители вавилонского царя в мохнатых волчьих шкурах поверх чешуйчатых панцирей. По левую – под командованием царевича Камбиза, блистая начищенными бронзовыми пластинами, наклепан-ными поверх кожаных доспехов, были выстроены «носители яблок». Этот отряд личной гвардии Кира был прозван так из-за тяжелых бронзовых противовесов-яблок, которыми заканчивалась нижняя часть их длинных копий.

Едва смолкли трубы и цари уселись на свои места, Кир хлопнул в ладоши. Послушные жесту великого государя, слуги без лишних слов начали представлять взору царя Вавилона драгоценные подарки, которые подносил ему великий Кир. Чего только не было среди этих подарков! Вино и оливковое масло из далеких городов Ионического побережья, золотые ритоны,¹² легкие, невесомые, почти прозрачные ткани из Масула и крепчайшие доспехи из Эллады. Здесь величаво ступали крепконогие ниссийские жеребцы – гордость Мидии, и тонкорунные бараны шли, понутив голову, предчувствуя скорое расставание с шерстью. Никогда прежде Намму не приходилось видеть такой роскоши, а уж собранной воедино – и подавно. Он искренне любовался царскими дарами, невольно завидуя счастливцу, который, благодаря его сообразительности, нынче получил все это. Подарки сменяли друг друга. Наконец на площадку перед царскими тронами неспешно, как и положено уважающим себя верблюдам, выступил бактриан, покрытый синей, расшитой золотом попоной. За общим гомоном Намму не слышал слов, которые царь персов говорил своему вавилонскому другу, лишь видел, как он жестикулирует, указывая на шатер между горбами. Наконец он кивнул слуге, сопровождавшему бактриана. Тот потянул за край тяжелой накидки, покрывавшей остов шатра. Едва та спала на каменные плиты, как все присутствующие невольно ахнули. Светловолосая красавица с едва прикрытой грудью и чреслами поднялась во весь рост на крошечной деревянной платформе и, извиваясь станом, начала неспешный завораживающий танец. Точь-в-точь кобра перед броском. За первым верблюдом последовал еще один, с той лишь разницей, что попона и шатер на нем были зелеными, а волосы девушки – ярко-рыжими. Собравшиеся во дворе мужчины, а их было подавляющее большинство, не отрывая взгляда следили за усладой глаз.

– Мой господин. – Сусанна осторожно положила руку на плечо Даниила, точно опасаясь своим движением отвлечь его от чего-то важного. Тот обернулся, хотя и не слишком довольный тем, что необыкновенно захватывающее представление было прервано столь неожиданно.

– Эти шатры, – запинаясь, начала Сусанна и, увидев удивленный взгляд Даниила, робко продолжила, указывая на танцовщиц. – Все они благоухают, точно райские кущи, но вон тот, – она показала на верблюда, ждавшего своей очереди в ряду других, – из-под покрывала там слышится запах въевшегося конского пота. Женщины так не пахнут.

Намму сей же миг вспомнился воришка Зарбар, совсем еще мальчишка с тонким, почти девичьим лицом. Он успешно прятался от преследований, переодеваясь в женское платье. Пока вот так же, посреди улицы, его не вынюхала одна из его жертв. Да, женский нос приставлен богами не только для красоты! Намму вздохнул, и у него тут же перехватило дыхание. «Запах пота из-под покрывала?!»

¹² Ритон – кубок в виде рога, заканчивавшийся обычно фигуркой какого-либо животного.

Он бросился опрометью вниз со стены, перескакивая ступени и сбивая с ног устроившихся там зрителей:

– С дороги! С дороги!

Бактриан в красной попоне, вальяжно переступая с ноги на ногу, приближался к установленным перед дверьми Валтасарова дворца тронам...

– И наконец, – донесся до Намму голос Кира, – истинный рубин...

Он увидел, как рука служителя тянется к покрывалу, и из последних сил припустил еще сильнее. Какой-то телохранитель попытался схватить его, однако у Намму был очень богатый опыт выворачиваться из любых захватов...

– ...который украсит все часы твоего досуга, – продолжал Кир.

Намму, словно таран, ударил плечом в бок стоявшего около верблюда слугу, сбивая его наземь.

– Здесь кобра! – ни с того ни с сего закричал он и, хватая расшитую ткань занавеси, скользнул под верблюжье брюхо. Острая стрела ударила камень в том самом месте, где находился царский советник лишь миг тому назад. Что было дальше, Намму не было видно, он лишь услышал свой крик, затем рядом с ним рухнуло мертвое тело, сжимающее в одной руке украшенный костяными накладками лук, в другой – косо оперенную, на лидийский манер, стрелу. В теле лучника красовались два кинжала. Один из них он уже видел сегодня утром на поясе скифа-телохранителя, другой...

– Он хотел убить меня! – раздался почти над самой головой хриплый от волнения голос Валтасара.

– Нет, мой друг, здесь две стрелы, – послышался совсем рядом жесткий голос Кира. – Этот лидиец хотел убить нас обоих.

Кархан придал лицу каменное выражение, стараясь поглубже упрятать обуревавшее его волнение. Мертвое тело лежало на мраморных плитах, и на холщовой рубашке, в которую был одет неизвестный, проступали все больше и больше багровые пятна. Когда в Институте на мастер-классах Мишеля Дюнуара курсанты учились метать ножи, топоры, гвозди, даже кафельные плитки – Руслан и помыслить не мог, что приобретенный навык сработает так. Правду говоря, он и понять не успел, что произошло. Невесть откуда взявшийся Даниил с его диким воплем... Выглянувший из-под расшитой накидки изогнутый рог натянутого лука сознание Кархана отфиксировало прежде, чем он успел понять, что, собственно говоря, увидел!

Прозорливость Даниила вновь спасла жизнь вавилонскому царю. Скиф поймал себя на мысли, что ни секунды не сомневается в том, на кого охотился неведомый стрелок.

«Вряд ли настоящий лидиец решил одним махом убить обоих владык. И уж во всяком случае он не стал бы надевать национальное платье и брать оружие, присущее его народу. Если убийце-одиночке хватило ума пробраться в царский караван, то уж скорее всего он сообразил, что троны Вавилона и Персии недолго останутся пустыми, а ответный удар обоих царств может стать таким сокрушительным, что само название Лидия сотрется из памяти будущих поколений. Стало быть, это заговор против Валтасара. Впрочем, нет. Заговорщики действительно могли охотиться на Валтасара и Кира. Возможно, кто-то из приближенных царя Персии решил захватить престол таким вот образом, а лидийцев подставить под удар в качестве козлов отпущения. Могло такое случиться? Вполне. Во всяком случае, – подумал Кархан, – это отличный повод для того, чтобы свести более близкое знакомство с пророком».

Рука Кира потянулась к кинжалу, торчавшему в груди убитого лучника. Он выдернул его из раны и чуть отступив в сторону, чтобы не испачкаться хлынувшей кровью, брезгливо отер клинок об одежду мертвеца.

– Прекрасный бросок! – выпрямляясь и возвращая кинжал в ножны, проговорил он, с уважением глядя на стоявшего близ Валтасара косматого бородача с тяжелым взглядом темно-карих глаз. – Я был готов поспорить, что в целом мире никто не метает кинжал так же быстро и точно, как я. И если бы поспорил, – он указал на оружие, торчащее в горле жертвы, – конечно, проиграл бы.

Лицо Валтасара просияло гордостью, будто он сам метнул злополучное орудие смерти.

– Кархан – скиф. Эти люди молятся на свое оружие. Их Бог – меч! Их жизнь – каждодневный бой! Мне прежде никогда не доводилось видеть воина лучше, чем он.

– Воистину он настоящий Энкиду,¹³ – уважительно глядя на молчаливого гиганта, согласился персидский царь. – Я бы очень дорого дал, чтобы иметь такого храбреца среди ближних своих. – Он выразительно посмотрел на косматого бородача, но тот лишь молчаливо выдернул свое оружие из переставшего биться в агонии тела и теперь молча обозревал окрестности так, будто выискивал новую жертву. Система «Мастерлинг» позволяла ему понимать любую речь в этом мире, но доброе напутствие, полученное перед отправлением сюда, Руслан Караханов запомнил прочно: «Знай много, говори мало, и никогда ничего не пиши». Впрочем, кому бы здесь взбрело в голову требовать письменных отчетов от дикого скифа.

Не дождавшись реакции на комплимент от мрачного телохранителя, Кир удостоил взглядом высвободившегося из-под покрывала Намму.

– Сам Бог говорит с этим человеком, – предвосхищая вопрос персидского царя, начал разливаясь соловьем Валтасар. – Ни в небе, ни на земле, ни на дне морском нет тайн, которые бы были недоступны его разумению. Воистину бог народа эбору гневлив, но верным своим он посылает неоценимые дары.

– Он из эбору? – обращаясь к повелителю Вавилона, переспросил Кир. Намму перехватил его взгляд. В нем интерес и тревога смешались, как смешиваются на морском берегу раскаленный песок и холодная вода.

– Да, из царского рода, – горделиво подтвердил Валтасар. – И он мой советник.

Намму предпочел учтиво склонить голову пред земными владыками, чтобы уклониться от сверлящего пристального взгляда Кира.

«Кажется, перс заподозрил подвох, – стучало у него в висках. – Кажется, заподозрил».

– Счастлив царь, которому служат такие замечательные слуги, – раздался вновь голос Кира. – Но, мой великий друг, прежде мы намеревались отпраздновать лишь наш союз, теперь же – чудесное избавление от гибели. Идем же!

Цари и их свиты чинно удалились во дворцовые покои, где шедевры кулинарного искусства вавилонских и персидских поваров ожидали достойной оценки монарших особ. Намму продолжал стоять посреди двора, отсутствующим взглядом смотрел, как суетятся расторопные слуги, засыпая песком и опилками кровавое пятно, как молчаливые караванчики, следуя за казначеем, увозят неведомо куда царские дары.

– Мой господин, – услышал он вновь нежный голос Сусанны. – Прости, что потревожила твои размышления, но... сума. – Она протянула Намму скорбное наследство истинного пророка, и взгляд ее теперь выражал нескрываемое восхищение, которым нечасто женщины балуют мужчин. – Что прикажешь ты передать моему отцу? – продолжила красавица.

– Да, – не в силах оторваться от сияющих глаз, кивнул Намму. – На исходе дня шестого, едва взойдет первая звезда.

¹³ В мифологии народов Междуречья герой-соратник Гильгамеша, дикий стихийный человек, обладающий невероятной силой и воинским умением.

Глава 6

*Соль вопроса легко растворяется в потоке слов.
Из алхимического трактата «О сокровенной сути непознаваемого»*

Если бы в то утро жители Вавилона увидели черные тучи, сгустившиеся на высоком челе Кира, они бы сочли это дурным предзнаменованием. Отпировав всю ночь с Валтасаром, царь персов вернулся в свой шатер и, легко стряхнув притворное опьянение, впал в неистовство. Обнажив длинный, изукрашенный камнями меч, он с глухим рычанием принялся рубить вокруг себя все, до чего мог дотянуться: ковры, подушки, набитые лебяжьим пухом, шкуры львов, покрывавшие сиденья, на которых обычно располагались его придворные мудрецы. Приближенные, время от времени имевшие несчастье быть свидетелями подобного разгула стихии, поспешили незамедлительно покинуть шатер, зная, что господин в ярости легко может забыть о прежних заслугах несчастного, попавшего под горячую руку.

Одна только красавица Лайла, ясноглазая гурия, любимая жена царя царей, осталась стоять перед разгневанным повелителем. Если что-то и могло укротить его буйный гнев – то лишь ее присутствие. Так, вылитый на штормовые волны китовый жир на время укрощает рвущиеся к небу валы.

– Что сокрушило твое сердце, свет очей моих? – голосом, способным растопить мрамор, проворковала она, робкими шагами приближаясь к Киру и опускаясь на изрубленное сиденье у его ног. – Поведай мне о твоих невзгодах, я уврачую раны души твоей.

– Боги отвернулись от меня, – из дикой ярости переходя в состояние мрачной отрешенности, кинул царь персов. – Вчера вавилоняне убили больше моих людей, чем их погибло за последний год. Сегодня, благодаря невесте откуда взявшемуся пророку – эборею, Валтасар загреб мои сокровища так, будто я и впрямь готов был подарить ему их.

– Лидиец промахнулся?

– Если бы! Твой брат Гаумата утверждал, что Валтасар – пустое место, что его некому защитить, и, если только его толкнуть, он рухнет как колосс на глиняных ногах. Постой, – Кир на мгновение замолчал, – это ведь Гаумата говорил о колоссе на глиняных ногах?

– Да, это так, мой повелитель, – обнимая ноги грозного царя, подтвердила Лайла. – Он рассказывал, что таков был сон вавилонского царя, и некий пророк растолковал ему, будто через поколение его царство падет, и могущество сокрушится. Именно так. Юный Даниил – царевич народа эбору, такими словами разъярил Навуходносору сон, долгое время преследовавший его. Как известно, потомки Навуходносора недолго задержались на троне. Набонид же, отец Валтасара – не родня прежним царям, а потому мало кто в Вавилоне будет сожалеть, когда ты выкорчуеть корень его из этой земли.

– Ты говоришь, того юнца звали Даниил?

– Да, он был приведен с другими заложниками из знатных родов эбору в Вавилон. Здесь их приблизили ко двору. Однако, насколько мне известно, он и еще трое знатных юношей его племени отказались поклониться Мардуку, и царь велел их схватить. Даниилу удалось бежать, остальных сожгли в печи. Но тебе не о чем беспокоиться, все это происходило задолго до моего рождения. С тех пор о Данииле никто не слышал. Отец еще в годы детства моего рассказывал нам об этом случае.

– Боги хранят его! Даниил вернулся. – Кир нервно дернул щекой и с чувством, будто пронзая смертельного врага, послал клинок в ножны. – А колосс не пал. Придумай мне способ вновь встретиться с Гауматой.

Намму спускался по широкой дворцовой лестнице, вдыхая аромат магнолий, цветущих по обе стороны ступеней. «О Мардук! Великий судья богов! – с тоской думал он. – Во что ж это я ввязался?! Если даже мне удастся избежать кары людской, где укрыться мне от гнева твоего?! Каково же оно, слыть пророком, когда не ведаешь, доживешь ли до следующего дня!» Он вспомнил взгляд, которым там, у ног бактриана, когда он, чуть живой от страха, выпутывался из длинного покрывала, одарил его Кир. Слава царя персов неслась впереди грозного владыки. В разных землях, где бывал Намму, каждый знал, что Кир – завоеватель вовсе не злобен, но горе неразумному, посмевавшему стать у него на пути! Ибо не ведает он преград.

«О, Мардук! – продолжал свое немое моление „пророк поневоле“. – За какие прегрешения вознес ты меня столь высоко? Я здесь один среди отчужденности и хлада, словно на горной вершине. Однако же там, когда б волею своею решился я взойти на нее, лишь снег и кручи окружали бы меня. Здесь же каждый час приносит мне новых врагов. А сколько их еще будет?! Не сегодня-завтра Валтасар поймет, что в собачьей лапе больше пророческого дара, чем во мне. А на исходе дня шестого, вскоре после того, как на светлом небосклоне возгорится первая звезда, искушенные в писаниях праотцов своих, эбореи быстро распознают, что пред ними не царевич Даниил и уж вовсе не пророк. Можно представить себе их ярость! Кто знает, удастся ли уйти живым оттуда? А если и удастся, чего доброго, они обвинят меня в том, что я убил и ограбил того несчастного, нашедшего конец у самого края пустыни. И никого, никого вокруг, кто бы помог спастись. Бежать, скорее бежать!»

Намму шел нарочито медленно, чтобы никто не смог догадаться, какие мысли роятся у него в голове.

«О, Мардук златоликий! Бежать? Но куда и как?! Вокруг стен Вавилона – отряды персидской армии. А если переодеться нищим?! В лохмотьях, с горбом и клюкою, ковьяля ночной порой мимо персидских дозоров, быть может, удастся проскользнуть? А если нет... – пред внутренним взором снова зажглись холодным пронизывающим огнем львиные глаза Кира, – еще, чего доброго, примут за лазучика! Никто и никогда не узнает, где упокоится мой прах».

Лучи, безмолвные, ласковые посланцы дневного светила, пробиваясь сквозь зеленую листву и редкие в эту пору лиловые соцветия глициний, оплетавших ажурный свод над ступенями, пятнами скользили по лицу царского советника, которого чудом спасенный Валтасар во всеуслышание назвал третьим человеком в царстве после себя и отца своего, Набонида. Внезапно тень, пав на задумчивый лик, затмила, точно срезала, солнечные лучи. Намму медленно, опасаясь увидеть преграду, возникшую перед ним, поднял глаза. Он хотел, чтобы сердце его в этот миг остановилось, и того, что должно было произойти далее, уже не произошло. Но сердце предательски стучало. Как показалось Намму, сейчас оно грохотало, выдавая местонахождение хозяина, страстно желавшего стать невидимым.

Взор Намму, до того обращенный внутрь, медленно, точно после сна, начал воспринимать окружающее. Перед его глазами была серая в подпалинах волчья шерсть. «Ну вот и все, – с непонятным облегчением вздохнул он, поднимая голову вверх. – Умирать страшно, но ведь только один раз, в один миг».

Перед Намму стоял царский телохранитель. Стоял, загоразивая лестницу. Намму еще раз взглянул на волчью шкуру, покрывавшую чешуйчатый доспех гиганта, на его лицо, поросшее бородой почти до самых глаз, и почувствовал, как у него темнеет в глазах и подгибаются колени. В голове из глубокого омута прошлого всплыло повествование старого Абодара, услышанное тем от своего деда.

В те времена, когда Ниневия была сильной и процветающей, прадеду довелось пережить нашествие скифов. Лишь милостью богов тогда он остался жив. Понижая голос и невольно оглядываясь, говорил Абодар о том, как скифы пили кровь из горла своих врагов, как снимали

кожу с рук, чтобы сделать из нее гориты,¹⁴ как украшали сбрую коня прядями волос, снятых с голов убитых врагов вместе с кожей. Он говорил, что скифские цари не умирают, как прочие люди, что их хоронят с оружием и конем, а вокруг ставят стражу из таких же вооруженных мертвецов. И в ту ночь, когда луна сияет в небе, точно кровавое око ястреба, они выводят свое войско из-под могильного холма, чтобы вновь пить кровь и нести смерть каждому встречному.

– О, добрый господин, – послышался над головой Намму мощный, хотя и несколько приглушенный, голос скифа. – Не угодно ли будет тебе уделить мне толику времени твоего среди возвышенных размышлений.

Если бы на месте грозного воина на ступенях перед новоявленным царским советником вдруг оказался старик Абодар, пожалуй, он изумился бы меньше, чем при звуках этой почти-тальной речи. До недавних дней Намму вообще не был уверен, умеют ли эти дикие звери, а ему как-то и в голову не приходило считать скифов обыкновенными людьми, умеют ли они разговаривать. По рассказам отца, им больше пристало рычать, точно горные барсы, или же выть, подобно волкам. Однако недавно, когда на стене над мелеющим Евфратом он впервые услышал голос стоявшего рядом с Валтасаром дикаря, Намму вдруг почувствовал к этому чудовищу невольную благодарность. Как быстро разгадал сей прирожденный дикий воин его туманные иносказания. И вот сейчас... Таким языком выражались эллины из далеких прибрежных городов Гераклеи и Халкидона, а уж никак не скифы, или, вернее, как именовали они себя сами – скалоты.

– Я готов выслушать тебя... Кархан.

– Мудрейший, я хочу просить твоего совета, – скиф почтительно склонил голову в высоком кожаном колпаке, расшитом золотыми бляхами, на каждой из которых тот или иной дикий зверь сжимал в зубах или когтях свою добычу, – я тревожусь за жизнь своего повелителя.

«О Аруру,¹⁵ мать Энкиду! Неужели же это страшилище способно тревожиться? Да еще и за чью-то жизнь!» – от этой мысли Намму стало немного легче. Даже то, что причиной этого чувства была судьба царя, его не смутило.

– Я сам тому свидетель, – понижая голос до громкого шепота, говорил Кархан, стараясь всем своим видом отдать должное Единому богу эбору, – что тот, кто сделал твой народ избранным народом, кто явился вам в кусте огненном и даровал скрижали завета, сделал твои уста своими устами...

Не зная, что и ответить, Намму молча кивнул.

«Какой занятный скиф! – крутилось у него в голове. – Быть может, прежде чем попасть сюда, он и в самом деле жил в Элладе? Кто знает? Впрочем, сейчас это не важно. Интересно то, что ему, похоже, кое-что ведомо о боге эбору. Значит, он явился им в огненном кусте и дал закон на скрижалях. Нужно бы запомнить. При случае у Иезекии можно будет вернуть. Еще хорошо было бы на скрижали эти глянуть хоть одним глазком!»

Ему вспомнилась стоящая в центре города стелла Хаммурапи, мелко исписанная законами вавилонского царства. «Если и у эбору нечто подобное, то, пожалуй, одним глазком не обойтись».

– Я знаю, Валтасар щедро наградил тебя за пророчество, спасшее его жизнь и самого города от гибели, но ведь только подумай, вчера – еще миг, и все было бы кончено. Что, если завтра вдруг ты не поспеешь на помощь царю?

«Хотелось бы знать, к чему он клонит, – размышлял Намму, внимательно разглядывая силача. – Неужто он и впрямь так предан Валтасару? Отчего бы вдруг? Кто бы ни стоял у власти в этом городе, такое страшилище найдет себе место при любом правителе. Экий матерый зверь! Положительно, здесь какая-то тайна. Какой смысл дикарю-телохранителю искать змеи-

¹⁴ Горит – чехол для лука.

¹⁵ Аруру – богиня, вылепившая героя Энкиду, создавшая людей.

ное гнездо? Ему надлежит убивать змей, когда те подползают чересчур близко. А может, он и есть такая змея? – Эта мысль обожгла молчавшего пророка так, что он невольно вскинул брови. – Не-ет, если бы он был змеей, никто и ничто не помешало бы ему ужалить Валтасара в удобный момент. Стало быть, тайна. Что ж, это к лучшему – от тайны всегда сыщется какой-нибудь прок!»

Кархан увидел, как удивленно, почти испуганно вздернулись густые брови собеседника и расширились его темные глаза. «Кажется, я попал в точку, – мелькнуло у него. – Ну конечно же, если расшифровывать огненные письма Даниил мог из-под палки, то спасти Валтасара вчера его никто не заставлял. А значит, он или его бог положительно имеют виды на царя Вавилона. Быть может, Даниил желает добиться от него возвращения эбору на родину? Вероятнее всего, так. Не зря же он появился в Вавилоне сразу по наступлении священного для эбору года».

– Когда пастырь гонит своих овец на тучные луга, он должен опасаться дикого зверя, алкающего кровавой добычи. И потому берет он с собой посох, чтобы защитить себя и сторожевых псов, дабы хранили овец. Когда же случается такое, что дикий зверь обращается в сторожевого пса, вид его может обмануть глаз. Однако же клыки его обагрены кровью, и в следах его кровь. Что спасет тогда пастыря и паству, как не верный посох и вышнее попечение? – неспешно, стараясь донести каждое слово до своего обряженного в волчью шкуру собеседника, проговорил Намму.

«Мардук-вразумитель, – крутилось у него в голове, – хорошо бы теперь, чтобы этот дикарь понял, что хочу я ему втолковать этой окошечкой. Одна надежда, что эллины обучили его не только красиво говорить, но и понимать услышанное».

«Господи, овцы, палки, собаки – что ж за манера у пророков говорить притчами! Ладно, предположим, пастырь и паства – символы государя и его народа, тогда, выходит, сторожевой пес – это я? – Кархан собрался уже возмутиться. – Хотя нет, я не пес, скорее уж я – палка. – Подобное сравнение тоже не радовало, но кое-что объясняло. – Стало быть, если верить пророчествам Даниила, а не верить им, как уже можно было убедиться, глупо, предатель – кто-то из тех, кто призван охранять покой мирной паствы. Знать бы теперь кто?! – Руслан недовольно поморщился. – Как жаль, что Господь, или, может быть, ноосфера, кто уж там знает наверняка, откуда пророк черпает свои откровения, не удосуживается сообщать адресов и имен. Э! А что это он там сказал о союзе пастыря, его палки и божьего попечения. Не на себя ли намекает почтеннейший Даниил? Что ж, может, оно и стоит того!»

– Стало быть, дело в псах, – тихо проговорил он.

«Все-таки он дикарь, – про себя вздохнул Намму. – Но это и к лучшему. Если взяться с умом – я стану его головой, а он – моими руками!»

– Некоторые люди душою чернее дикого зверя, и язык их – язык аспида, однако же, золотое шитие на одеянии прочим застит взгляд и не дает узреть истинного лица под личиной.

«О, это уже определеннее». – Кархан невольно улыбнулся, хотя со стороны движение его губ было едва заметно. Он еще хотел о чем-то спросить, однако напрягся, почувствовав спиной давящий взгляд, и резко повернулся. Внизу, под сенью колышущихся на ветру финиковых пальм, стоял человек в белом одеянии и островерхой шляпе. Кархану уже доводилось видеть его во время торжественных шествий и мистерий в святилище Мардука. Человек в белом был помощником Верховного жреца и, судя по одеянию, сам, несомненно, принадлежал к сословию магов.

– Верховный жрец желает видеть тебя, Даниил, – сурово произнес служитель божьей длани. – Твое же место – возле царя, скиф.

Намму с почтением поглядел на молодого жреца. Еще бы! Не зря Вавилон именовался Вратами Бога. Стоящий здесь огромный храм Этаменанка, посвященный Мардуку, по справедливости считался главным святилищем могущественного бога в Вавилонии.

Громадными уступами поднимался дом Хранителя Скрижалей Судеб под облака, все выше и выше, так, что храм-обсерваторию, находящийся наверху этой величественной ступенчатой пирамиды, можно было разглядеть, лишь задрав голову таким образом, что с нее сама собой падала шляпа. Пол обсерватории, выложенный глазурью и золотом, при лунном свете блеснул так, что был виден со всех концов города. Этот чертог великолепия и точного знания венчала золотая статуя Мардука, освящающая присутствием своим роскошные стены земного жилища Судьи богов. К храму вела длинная лестница, взойти по которой считалось высокой привилегией, и хотя всякому, приглашенному в чертог Мардука, предстоял долгий и утомительный подъем на вершину святилища, никто, будь то царь, или простой гончар, и помыслить не мог отказаться от предложенной чести.

Намму верил в милостивого и справедливого Мардука. Великое множество раз он вверял судьбу мудрейшему Судье богов и повелителю всех народов. Когда слова молодого жреца достигли его сознания, Намму даже не нашелся что сказать, настолько он был польщен и взволнован. Но, как говорил старик Абодар: «Когда не знаешь, что сказать – прикрой глаза и молчи, пусть окружающие полагают, что ты не снисходишь до праздных слов». Он сделал знак царскому телохранителю, что более не удерживает его, и начал медленно спускаться туда, где ждал его служитель Мардука.

«Зачем, интересно знать, я понадобился Верховному жрецу? – размышлял новоиспеченный царский советник, шествуя за человеком в белом одеянии. – О чем он хочет со мной говорить, чего мне ждать от этой встречи?»

Намму размышлял, строил догадки и не находил ответа. После того как совсем недавно на глазах у царских гостей он прочитал огненные письма, жрец вполне мог невзлюбить презренного нечестивца, дерзнувшего сделать то, что не удалось ему самому.

Они вышли из дворца и приблизились к чертогу Повелителя богов.

«Что же все-таки ему от меня нужно?»

Площадь у храма была полна народа. Были здесь и торговцы жертвенными животными, и продавцы глиняных фигурок, приносимых в дар всемогущему божеству. В особенности же здесь пользовалось популярностью глиняное изображение Иштар с прижатым к груди младенцем. О чем же еще, как не о здоровье, любви и плодородии, просить у Вечноживущих? Словом, все было как всегда. Но что-то было не так. Намму не сразу сообразил, в чем дело. Несмотря на опасения, гордость переполняла его сердце – совсем как вчера, когда Валтасар и Кир пригласили его к столу. Однако то, что, возможно, укрылось бы от взгляда пророка, внимающего гласу божью, не могло укрыться от взгляда Намму, с малолетства промышлявшего на рынках. Количество людей с палками и камнями, припрятанными за кушаком или зажатými в кулаке, было столь велико, что поневоле заставляло напрячься и замедлить шаг. У самой лестницы проводник остановился и указал рукой на уходящие в поднебесье каменные ступени.

– Ступай, Даниил, тебя ждут!

Сердце Намму забилося часто-часто. Он украдкой обвел взглядом всех тех, кого заметил в толпе безоружных торговцев. Если до того мига у него и были какие-либо сомнения, они улетучились, как запах вчерашнего обеда. Все эти молодчики с камнями и палками, делая вид, что рассматривают покрытые глазурью кирпичи, глядели на него, азартно ожидая, что он будет делать. «Они пришли убить меня, – с холодной ясностью осознал Намму. – Ну конечно же, – в его мозгу, словно отточенный меч, выхваченный из ножен, блеснула мысль. – Как я мог забыть, ведь я же пророк эбору! Вероятно, этот бог, узнать бы, как его зовут, ревнив, и карает тех, кто приносит жертвы иным богам. Конечно! Они ведь так и именуют его Единым богом. Стало быть, если я – пророк, мне следует отказаться от чести войти в храм Мардука! Но стоит лишь вымолвить слова отказа – возмущенная толпа, в отместку за неуважение к богу-покровителю Вавилона, попросту разорвет меня в клочья! Ну уж нет! Такого не будет! Я бегом побегу вверх по лестнице, а уж что там наплести в объяснение, буду жив, придумаю!»

Намму сделал еще пару шагов к лестнице, окинул ее взглядом и вновь замер, точно пораженный молнией.

Когда-то старик Абодар, обучая его безошибочно находить дорогу в темных чужих помещениях, в лабиринтах разрушенных дворцов и горных пещерах, развил в нем способность чувствовать скрытую угрозу, подобно тому, как ощущает человек с закрытыми глазами близкое пламя костра.

Лестница, вздымающая свои выбеленные ступени в поднебесье, к золотому истукану Мардука, разила смертью. Намму кожей почувствовал близкую, почти неотвратимую опасность. Она дополняла ту, что была сзади, за спиной, точно две огромные ладони приготовились хлопнуть и уничтожить его, как назойливую муху.

Быстро, очень быстро Намму стал осматривать каскады ступеней, ища, где притаилась угроза. Вот! То, за что мельком зацепился его взгляд, был след копоти, уже изрядно прикрытый слоем пыли, но все еще заметный для острого глаза. В дни празднеств, едва начинало темнеть, вавилоняне зажигали по бокам лестницы наполненные маслом плошки, и потому следы копоти временами сохранялись на каменных перилах. Однако здесь след находился на ступенях почти ровно посередине. Намму продолжил поиск и быстро увидел то, что искал. По бокам лестницы молчаливыми каменными стражами лежали тонко сработанные линдвормы. Они, точно из пещеры, выползали погреться на широкие, покрытые синей глазурованной плиткой перила. Морды драконов были повернуты к ступеням, и в пасти каждого из них зияло круглое отверстие. Так, что при желании можно было заглянуть и убедиться, что горлу чудовища не грозит ангина.

Намму прежде уже доводилось слышать о подобных устройствах. Один храбрец, дерзнувший потревожить сон царей таинственной страны, что лежит далеко-далеко, у великой реки Нил, рассказывал, что гробницы повелителей там изобилуют лабиринтами, где множество ловушек подстерегает охотника за посмертным богатством. Одна из них была именно такой. Стоило неосторожно ступить на одну из плит, и коридор в единый миг заливала убийственная струя пламени. Тот несчастный, с которым довелось встречаться Намму, был единственным спасшимся из тех, кто отважился побеспокоить вечный сон фараона, и ожоги на его лице говорили о том, что расхититель гробниц не врет.

Здесь плита скорее всего не опускалась сама собой под ногой человека, иначе вряд ли кто смог бы подняться наверх. Но стоило повернуть защелку...

В том, что защелка сейчас повернута, Намму почему-то не сомневался. А значит, стоило ему наступить на одну из коварных ступеней, и каменные драконы изрыгнут смертоносный пламень, позволяя тем самым жрецам сказать, что Мардук не допустил Даниила из народа эбору в свой храм. А если отказаться... – Даниил еще раз бросил взгляд на замершую в ожидании толпу.

– Что же ты стал? – послышался рядом нетерпеливый голос молодого жреца.

– Если богу то будет угодно, – напуская на себя вид гордого величия, изрек замерший у начала подъема царский советник, – он постелит ступени мне под ноги.

– До сего дня ни для кого он не делал этого!

– До сего дня Даниил не поднимался в чертог Мардука. Но если будет на то воля божья, я войду и в пламень, не обжегшись. Ежели нет, и воздухом можно захлебнуться, точно рыба, вытащенная из воды на сушу.

– Ты гневишь Мардука своими речами! – возмутился проводник, сдвигая брови у переносицы.

– Это ты, несчастный, не веруешь во всемогущество божие! Когда будет велено камню течь, потечет он, ибо нет предела воле Творца. Господь всемогущий, в предвечной мудрости своей, открыл мне планы врага, и тем был спасен Валтасар и весь сей великий город. Господь,

давший моим устам вещую силу, для священного деяния сохранил меня во рву с разъяренными львами – лишь воля его указывает мне путь!

Намму расправил плечи и метнул на притихшую толпу гневный взгляд. Ему было до озноба страшно, но иного способа выжить, или хотя бы отодвинуть смертный час, он не видел, и оттого пустился во все тяжкие, давая время богу, не важно, Мардуку или Единому богу эбору, спасти его жизнь, если, конечно, это входило в их планы.

– Ну-ка, расступись! – послышался над головами притихших торговцев и молодчиков с камнями и палками яростный рев Кархана. – Расступись!!! – Несколько человек, загораживающих путь царскому телохранителю, разлетелись в стороны, как мусор от невидимой метлы.

За Карханом двигался еще десяток сумрачных воинов его в волчьих шкурах. Толпа, дотоле настроенная довольно агрессивно, шарахнулась в стороны, в испуге давя друг друга.

– Я пришел за ним, Гаумата! – нависая над жрецом, рявкнул Кархан. – Валтасар немедля требует Даниила и твоего господина пред очи свои!

Глава 7

Даже блоха порою может гордо заявить: «Во мне течет львиная кровь».

Французская пословица

Весть о том, что произошло у храма Мардука, облетела Вавилон с той скоростью, с которой голодная птица летит на зов собратьев, обнаруживших корм. В многократно повторенном изложении она уже слабо напоминала случившееся возле священной лестницы в небо. Кто-то говорил, что в момент, когда Даниил отказался ступить на нее, среди небесной сини грянул ужасающий гром. Другие утверждали, что лишь услышали слова пророка о своем боге, так вдруг почувствовали, как у них отнялись руки, и не то что палку не в силах были поднять, но и сами с трудом стояли на ногах. И если одни повторяли этот слух с ужасом, другие, в основном из числа эбору, благословляли мудрого и отважного царевича, непреклонно стоявшего за веру и отказавшегося поклониться истукану. Никого в этот миг не волновало, что пресловутый гром не был слышен никем за пределами храмовой площади. Да и то сказать, что там был за гром – разве какой неуклюжий гончар выронил один из своих расписных горшков.

Все это утро Сусанна точно летала на крыльях, и едва рассказы о чудесах, которыми сопровождался отказ Даниила поклониться золотому идолу, достиг ворот Иштар, она почувствовала себя неожиданно счастливой. В первое мгновение девушка пыталась уверить себя, что ничего особенного не происходит, что причиной ее внезапной радости служит замечательная погода или тот чудесный, расшитый золотистыми лилиями и стеблями папируса каласи-рис¹⁶ из тончайшего гамана,¹⁷ который утром подарил ей отец. Этот ярко-красный наряд действительно очень шел к ее длинным, черным, как ночи над Закатным морем, волосам.

И все же мысли ее были далеко и от погоды, и от наряда. Вполуха она слушала рассказ Иезекии о том, как делают эту материю далеко-далеко на Востоке, из цветов, белых и легких, как облако, а затем везут туда, в далекую Элефантину, где до исхода из египетского плена жили их предки; как оттуда долгими караванными путями это платье, ставшее уже драгоценным, прибывает в Вечный город, именуемый Врата Бога, где у самых ворот расположена его лавка. Сусанна послушно кивала в ответ, как пристало воспитанной юной девице, но в душе ее светилось иное видение – мужчина с суровым обветренным лицом, тяжелыми бровями и длинной, тронутой сединой бородой. Она вспоминала, как вступился он за нее у стен царского дворца, как храбро бросился спасать Валтасара, спасать царя, едва не погубившего его. Ни в ком из тех, кого встречала в лавке и в доме отца, она не видела столько доблести, стойкости и мудрости, как в нем.

– ...Так что теперь тебе будет, в чем нынче вечером встретить царевича. – Сусанна неожиданно вспыхнула, как будто Иезекия вдруг угадал ее сокровенную тайну, и с неумолимой ясностью осознала, что она, сама того не замечая, торопит минуты и часы в ожидании, когда Даниил ступит на порог их дома. – Он ведь точно обещал?

Увлеченный прожектками дальнего прицела, меняла не заметил смущения дочери.

– Если царские дела не задержат его, – едва смогла вымолвить Сусанна и, быстро поклонившись, поспешила скрыться в небольшом саду за домом.

Валтасар, могучий царь Вавилона, сын Набонида Благословенного, скособочившись, восседал на драгоценном троне и немо страдал от боли. Вчерашний пир с владыкой персов, пожа-

¹⁶ Каласирус – длинное до щиколоток одеяние рубашечного покроя со множеством оборок, популярное в Египте.

¹⁷ Гаман – ценная хлопчатобумажная материя, производимая в Индии.

луй, чересчур затянулся. Вино и пиво были чересчур хмельными и ласки дев чересчур пыльными. Теперь все тело его будто разламывало на куски. Опершись головой на руку, он едва заметно массирует висок, стараясь, чтобы никто не увидел этого движения. Царевич Даниил и Верховный жрец Мардука сидели перед ним на низких табуреточках без спинок, дожидаясь, когда государь начнет говорить.

– Всем вам, конечно же, известно, – преодолевая боль, начал Валтасар, – что мы заключили союз с великим царем Киrom. Полагаю, не стоит объяснять вам, что я нахожу союз этот, несомненно, выгодным для нас. С тех пор как отец мой проиграл злополучное сражение, у нас нет шанса сокрушить персов. Сейчас же мы вполне можем чувствовать себя в безопасности, а став плечом к плечу с этим величайшим, будем говорить правду, царем из ныне живущих, мы сможем разделить с ним как радость побед, так и выгоду военной добычи. Однако пред тем, как наше войско выступит в поход на Лидию, я хотел бы выслушать, какова воля богов, что предвещает нам грядущая война.

Верховный жрец, едва дождавшись окончания речи царя, метнул на Даниила хлесткий взгляд, полный гнева и презрения, и начал, поднимаясь с места:

– Твой отец, о царь, избрал своим личным покровителем Сина – повелителя лунного диска, Сина, отмеряющего время жизни всего живущего, и с тех пор Мардук – покровитель Вавилона, прогневался на свой народ. Удача оставила нас. Ты сам слышал, о чем говорил сей недостойный, ныне сидящий близ тебя. Время наступает! Неужели же полагаешь ты, что, истребив горстку воинов Кира, прервешь ты неумолимый ход времени? Близится твой час, Валтасар! Ибо в безверии своем ты пошел дальше отца! Ты приблизил к себе этого чужака, бог которого в минувшие годы отдал в наши руки свой народ, точно разорившийся крестьянин овец, во искупление долга своего. Неужто и вправду думаешь, что в трудный час этот бог поможет тебе? Этот негодяй околдовал тебя, царь! Удали его от глаз своих! Заточи в железа! Приди к Мардуку с повинной головой, и он вновь прострет длань защиты над стенами Вавилона и народом его. Если же нет – трепещи! Ибо всем щитам детей человеческих не отразить ударов смертоносного жала секиры Мардука, и нет того из людских царей, кто бы в могуществе своем мог сравниться с ним!

Он гневно стукнул об пол тяжелым жезлом, вырезанным из ливанского кедра, вызолоченным и украшенным яркоцветными камнями, а затем гордо сел на свое место, теребя бороду и свысока поглядывая на эборея.

Валтасар сильнее начал массировать виски. Громогласные обвинения, быть может, вспугнули отдыхающих на окнах дворца птиц, но у царя они лишь вызвали новый приступ головной боли.

– Что скажешь ты в свое оправдание, Даниил-пророк? – Он медленно перевел взгляд на своего нового советника. Намму молчал.

«Молчаливый всегда честен, – говаривал старый Аבודар, – но не всегда прав. А потому сам решай, быть честным или правым».

– Отчего же ты молчишь? – недовольно переспросил Валтасар. Намму пожал плечами. Он действительно не знал, что ему говорить. Всю свою жизнь, с малолетства, он почитал Мардука и исправно уделял ему десятую часть из того, что дарили ему собственные ловкость и сообразительность, а также снисхождение богов. Теперь ему предстояло отвечать за действия бога, о котором он не знал ничего, кроме того, что он бог, и, явившись в горящем кусте, подарил своему народу неизвестное количество скрижалей с законами. Однако пауза затягивалась, что в беседе с властителями – неслыханная дерзость.

– Мне нечего сказать, о великий царь, – наконец промолвил Даниил. – Нечего сказать, ибо не в чем оправдываться. Верховный жрец, да продлятся дни его безмерно и мудрость увеличится соразмерно дням, говорит, что Мардук разгневался. Что ж, ему виднее. Я не слышал речей бога, обращенных к его преданному служителю. Но кто же тогда, как не бог, спас Вави-

лон? Чья рука начертала предупреждение на стене дворца? Да и к тому же, не по слову ли Верховного жреца ты призвал меня из львиного рва пред свои очи? Если Мардук говорит с ним, то я здесь, перед тобой, по воле Мардука.

Он говорит, бог эбору – враг Мардука. Он говорит – боги вцепились друг другу в бороды, точно пьяные торговцы, не поделившие барыш.

Я говорю: бог выше злобы. Тот, кто взывает к нему, верит, что будет услышан. Тот же, к кому взывает он, и вовсе услышит его без труда. Я не скажу тебе, о царь, что знаю волю Мардука. Но не мне тебе говорить, что воля бога приходит через меня. «Отчего так?» – спросишь ты. «Оттого, что не иначе, – отвечу я. – Я не просил тебя о милости, ты сам явил ее. А потому, если слова жреца убедили тебя, изгони меня прочь. Я много лет скитался вне этих стен и проживу свой век без них». Он поднялся, делая вид, что собирается уходить. – Только прежде позволь, я сделаю тебе отвар, который быстро уймёт боль, мешающую тебе судить с обычной мудростью твоей.

– Ты действительно можешь сделать это? – забывая о Мардуке и его жреце, в голос взмолился Валтасар. Намму кивнул неспешно и с достоинством. Старый Абодар любил порой хватить лишку и потому научил сына с малых лет спасать его некоторыми «волшебными средствами», вроде густейшего куриного отвара и свежесжатого лимонного сока.

– Если пожелаешь, я сделаю это незамедлительно.

– Вот и прекрасно! Бери все что нужно, но поторопись, а уже потом, когда ясность мысли вернется ко мне, поговорим о войне.

– Царь, ты что же, в самом деле желаешь говорить о тайнах грядущей войны с чужаком? – возмутился Верховный жрец.

– Но ты же слышал, – поморщился Валтасар. – Он здесь по воле Мардука.

– Это ложь! – порывисто вскочил с места жрец.

На губах Валтасара внезапно зазмеилась странная улыбка.

– Ты всерьез настаиваешь, что его слова ложь? Вот как? Стало быть, он утверждает, что выполняет божью волю, и ты утверждаешь то же самое о себе? Но воля эта отчего-то разная. Кто из вас прав, решит состязание! – Царь обернулся к телохранителю. – Кархан, объяви: нынче в полдень Верховный жрец Мардука и Даниил-пророк могуществом своим подтвердят, на чьей стороне божья воля. Тот, кто уличится во лжи, с позором будет изгнан из стен города, и да не найдет он себе нигде пристанища в вавилонском царстве. А дотоле, – он перевел взгляд на Даниила, поглаживающего свою длинную бороду, – помни, ты обещал мне излечение.

Намму сидел на скамье во дворцовой кухне и, водрузив голову на руки, глядел, как булькает вода в железном котле и вьется к потолку густой куриный дух. «Господь, – думал он, не спуская взгляда с белой пены, – если я и впрямь ступаю по пути, предначертанному тобой, то чем прогневил я тебя? Для чего послал ты мне такой удел?» Проигрыш на предстоящем состязании казался ему несомненным. Что может он, Намму, сын Абодара, всю жизнь свою проводивший в добывании засушенного куска хлеба, в сравнении с тем, кому открыты высшие тайны хода светил и даже само дыхание Мардука подвластно ему? Он снял накипь с бульона, не переставая сокрушаться о своей печальной участи. Изгнание из Вавилона казалось бы ему сейчас наиболее предпочтительным выходом, когда б не войско Кира, ждущее выступления нового союзника, и не скорбное осознание того, что идти-то, в общем, некуда. Один раз ему уже довелось испытать все прелести изгнания, но тогда впереди путеводной звездой маячил овеванный легендами Вавилон. Да и могущественнейший из царей этого мира тогда не искал его смерти. И разве только он? Намму снова вспомнил тот злополучный вечер, когда пытался бежать из дворца начальника городской стражи. Тогда маг, которого нынче утром царский телохранитель назвал Гауматой, указывая, что тому следует делать, ссылался на приказ Верховного жреца. Стало быть, все они – одна шайка. А сколько их всего притаилось вокруг царя?!

С гложущей сердце ясностью Намму понимал, что сегодня лишь царь, да продлит Мардук его годы, мог защитить своего новоявленного советника, если только в этом мире для него существовала верная защита. Сейчас беда грозила не только ему, но и Валтасару. И стоило царю Вавилона утратить силу – и его, «пророка», собственная гибель стала бы делом времени.

Что же предпринять?! Как выкрутиться на этот раз? Может быть, сбежать, пока не поздно? Сказать, что нужны какие-нибудь диковинные корешки, и выбраться из города? Прихватить золотых монет и украшений... – вон их сколько вокруг!

Нет! За стенами Кир и... Намму вспомнился восхищенный взгляд юной дочери Иезекии. Сегодня он ей обещал пировать в доме у ворот Иштар в час, когда взойдет первая звезда! То ли эта мысль, то ли возникший перед глазами образ черноволосой красавицы встряхнул его, точно кошель с монетами, дабы убедиться, что внутри осталось еще что-то ценное. «Что ж, если суждено мне погибнуть, то я погибну! А если нет – я должен победить! Иначе как я отправлюсь к ней в гости на праздничный ужин?»

Намму огляделся вокруг. Разномастные родственники царского бульона в больших плетеных корзинах, громогласно кудахта, обсуждали нелегкую участь попавшего в оцепив собрата, негодуя и радуясь одновременно, что не разделили его участь. Отрубленная петушиная голова и надерганые перья валялись поблизости в широкой глиняной миске... А что, если... В голове у царского советника возник план. Немудреный, но, быть может, забавный. А как говорил старик Абодар, когда боги смеются, они выполняют наши желания.

– Ой, – раздалось в дверях. Мальчишка-поваренок с нескрываемым испугом и почтением глядел на Даниила, колдующего над целительным варевом. – Я, это, – сбивчиво начал паренек. – Мне за водой.

Он указал на объемистый чан, стоявший в дальнем углу кухни:

– Меня повар за ней послал. Стена закоптилась – побелить надо. А известь у него, как на зло, негашеная – вот, за водой послал. Чтоб, значит, погасить. Совсем немножко. Плошку, не больше.

Губы Даниила сложились в улыбку, от которой поваренок недоуменно попятился.

– Иди, мальчик, – почти нежно проговорил он. – Иди, бери воды столько, сколько тебе нужно. А затем принеси мне извести, да побольше!

Солнечный диск замер в зените, точно сам Мардук приготовился внимательно следить за ходом предстоящих состязаний. Площадь около огромного ступенчатого храма была расчищена. Выставленная стража не пускала никого за ряды оцепления. Однако любители поглазеть толпились вокруг угрюмых воинов, заглядывая через щиты и плечи их туда, где на троне восседал Валтасар. Небольшая свита, в основном из людей Кархана, окружала его плотным кольцом, дабы оградить от любого злого умысла. Лицо царя потеряло ту бледность, с которой встречал он сегодняшнее утро, и в глазах светился неподдельный интерес к происходящему. Даниил и Верховный жрец стояли перед ним в ожидании знака к началу испытаний. Наконец, выдержав долгую паузу, Валтасар заговорил:

– Что каждый из вас скажет о своем боге?

– Всякий, живущий в стенах этого города, и на много дней пути вдаль от него, знает имя Мардука, – выйдя вперед, заговорил Верховный жрец. – Кто как не он сотворил землю и небо? Кто победил чудовищ, в чьих руках – таблицы судеб? По чьей милости восходит зерно и живет всякая земная тварь? Мой бог Мардук – Судья и Повелитель богов, и я – верный служитель его!

Закончив эту тираду, он отступил на шаг, сопровождаемый бурными криками приветствия. Лицо Намму оставалось безучастным. Казалось, он не слышит вопля толпы, не видит надменной усмешки на губах своего противника.

– Что я могу сказать о боге, о государь? – занимая освободившееся место перед царем, начал Даниил, смиренно и в то же время величественно складывая руки перед грудью. –

Больше песчинка может поведать о горе, частью которой она некогда была, нежели человек скажет о Предвечном Творце. – Намму остановился, обдумывая следующую фразу и теплым словом вспоминая слепого сказителя Гамара, из долгих песен которого он черпал нынче свои образы. Выходит, недаром в те дни, когда у Намму водились деньги, он всякий раз, проходя мимо слепца, перебирающего бисер мудрости перед глазами души своей, бросал ему монеты. – Ты хочешь узнать, каково имя бога? Но ведь каждому ведомо, что знающий истинное имя, будь то человека, животного или чего другого, самого великого и самого малого, легко может управлять ими! Любой из тайнознавцев и магов твоих подтвердит это! В силах ли смертный повелевать богами?! Да и кто, ответь себе, государь, мог наименовать того, кем сотворен был сей мир. Как бы ни звали мы его – Всевышний, Творец, Господь, – это лишь титулы. Не более чем титулы, которые мы, люди, в благодарность преподнесли ему. Я величаю его ЙаХаВа, что означает «Был, Есть и Будет», но и это лишь один из титулов бога, который есть бог. Только бог, Единый бог – Он, и никто, как Он! И если служение мое в том, что я с благоговением и радостью внимаю Его речам в душе своей, и без страха, но с искренним усердием покорен воле Создателя воли, то можно и мне по справедливости пристало именоваться служителем божьим.

Завершив этот монолог, Даниил бросил гордый взгляд на Верховного жреца и отступил назад, дожидаясь очередных указаний Валтасара.

– Пусть каждый из вас выкажет познания свои, – распорядился тот.

Верховный жрец стукнул посохом оземь, и молодые, одетые в белые одежды, помощники поднесли ему массивные глиняные таблицы с диковинными значками: кругами и пересекаемыми их линиями. Служитель Мардука начал медленно водить пальцем по этим черточкам, высчитывать что-то в уме, при этом едва заметно шевеля губами. Закончив свои подсчеты, он повернулся к царю и провозгласил хорошо поставленным голосом:

– Следующего года в месяц Сим Мах, именуемый также месяцем ласточки,¹⁸ 1 и 2/3 бэру¹⁹ после захода Солнца произойдет лунное затмение, видимое в эту ночь полностью. Оно будет идти к северному краю Луны. Звезда Мардука появится в начале года, и урожай будет очень богатый. Планета Гуд Уд²⁰ приблизится к звезде Ли²¹ – царь Элама умрет. Дил Бат²² исчезнет на западе – если она потускнеет и исчезнет в месяц абу, в Эламе будет кровопролитие. Если она появится снова в месяц абу, с первого по тридцатый день пройдут дожди и урожай будет богатый.

Намму с интересом следил за жрецом, улыбаясь в усы. Все время, отпущенное перед состязаниями, он размышлял, как ему блеснуть познаниями, которых у него отродясь не было. Не придумав ничего, он уже было смирился с тем, что этот тур состязаний ему придется уступить. Однако теперь, сам того не зная, Верховный жрец ввязался в игру, в которой равных Намму не было во всей Ниневии, а может, и во всех землях бывшего Ассирийского царства. Не зря же говорил старик Абодар: «Те, кто плетет сети, поймают рыбу. Те, кто плетет слова, поймают и рыбу, и рыбаков».

Наконец служитель Мардука закончил звездно-политические прогнозы о видах на урожай и смену власти в Эламе – государстве, всю свою историю занимавшемся преимущественно войнами с теми, кто жил по другую сторону Тигра, не слишком заботясь о том, с кем придется сражаться в тех землях. Он умолк и с превосходством воззрился на Даниила. Намму без труда

¹⁸ Месяц ласточки начинался 15 марта.

¹⁹ Бэру – промежуток времени, равный примерно двум часам.

²⁰ Гуд Уд – Меркурий.

²¹ Ли – Альдебаран.

²² Дил Бат – Венера.

выдержал этот взгляд и, дождавшись, пока жрец со своими таблицами очистит площадку, вновь шагнул пред царские очи.

– О великий повелитель! – неспешно заговорил он, не повышая голоса, но очень четко, так, чтобы его слышали все и каждый в притихшей толпе. – Три седмицы дней в туге и сетовании шел я сюда, дабы предстать ныне пред тобой. Вкусного хлеба я не ел, мясо и вино не входило в уста мои, и благовониями не умащал себя я до исполнения трех седмиц дней. Ибо, когда шел вдоль великой реки Тигр, поднял глаза свои и увидел воочию мужа нечеловеческого естества, облаченного в льняную одежду. Чресла его опоясаны золотом из Уфаза. Тело его – как топаз. Лицо его – как вид молнии, очи его – как горящие светильни, руки его и ноги его – по виду как блестящая медь, и глас речей его – как глас множества людей. И услышал я глас слов его; и как только услышал глас слов его – в оцепенении пал я на землю и лежал лицом к земле. Но вот коснулась меня рука и поставила меня на колени мои и на длани рук моих. И сказал он мне: «Даниил, вникни в слова мои, которые я скажу тебе». И я внимал ему с трепетом, ибо се был посланец божий, мудрость которого выше мудрости таблиц и тайны коего глубже тайных знаков. И рек он мне: «Иди в град Вавилон и скажи, что наступает время, когда солнце меняется с луною и малая птаха станет сильнее орла». Сказал он мне: «Придет лев молодой, погубивший старого льва, и будет кровь его отравлена ядом и в очах его – скорпионье жало. Будет рыком своим он сотрясать округу и звать на охоту с собою иное зверье. Ибо скажет он: „Я емь всем тварям царь и повелитель. И те, кто не идет со мной ныне, будут враги мне. Те же, кто ступит, прельщаясь гласом его, на следы его, воочию узрят остроту клыков его. Ибо не ведает идущий вослед, что он и есть в той ловитве плод насыщающий. Ступай же и скажи Валтасару о том, что слышал ныне, и да не устрасит тебя вражья сила, ибо я пребуду с тобой во всякий час от ночи до утра и от утра до ночи“. Сказал он так и приложил к груди моей персты железные, сияющие, точно в кузнечном горне, и разжег теми перстами в сердце моем пламень, и не было мне успокоенья дотоле, покуда не сказал я о том всей правды. Знай же, царь, ждет тебя дорога великая, но коли ступишь ты на каменистые горные тропы – краток будет путь твой и недолог век.

Лицо Валтасара заметно побледнело. Слово за словом повторял он про себя речь Даниила, все глубже вникая в смысл вещей слов. Намму замолчал, любясь произведенным эффектом. На рынке в Ниневии он устраивал представления и похлеще этого, но Валтасар никогда не бывал на рынке в Ниневии.

– Пусть каждый из вас воочию явит могущество свое, – наконец вымолвил царь. И Даниил вновь уступил место Верховному жрецу.

По приказу Первосвященника на площадь был выставлен котел с водой. Служитель Мардука сделал несколько пассов руками над поверхностью воды, и она на глазах у царя тут же начала принимать цвет алый, точно кровь. Признаться, и здесь Намму ожидал чего-то большего. Но Верховный жрец, похоже, остался доволен произведенным эффектом и величаво ушел, уступая место сопернику.

– Мне понадобится меч, – выходя вперед, заявил Намму. – Кархан, позволь мне на одно лишь мгновение взять твой.

Царский телохранитель недовольно заворчал, как дикий зверь, у которого отбирают недоглоданную кость, но заинтересованный государь кивнул своему любимцу, и тот нехотя протянул оружие пророку. На удивление, меч оказался легким и удобным, как будто выросшим прямо из руки.

– Всем известно, – демонстрируя толпе отточенный стальной клинок, произнес Намму, – что нет оружия более смертоносного, чем этот меч. Он – воплощение скифского бога, и, как говорят, сам этот бог живет в мече в час битвы. Но... – Он сделал знак, и его помощник, тот самый давешний поваренок, выскочив перед Даниилом, выпустил на землю петуха. Птица шагнула несколько раз, но в этот миг меч Кархана со свистом опустился ей на шею, начисто

снося голову. Кровь фонтаном ударила во все стороны, и толпа ахнула, точно никогда прежде не видела смерти птицы. Ни слова не говоря, Намму скинул кушак и, развернув его, набросил на обезглавленного петуха. – ...Если богу сие будет угодно – и сама смерть не властна над тем, над кем простерта длань его. – Он сбросил в сторону окровавленный кушак, и толпа вновь увидела, что петух, как ни в чем не бывало, вышагивает перед царем, норовисто потрясая гребнем. Должно быть, польщенная всеобщим вниманием, птица захлопала крыльями и издала пронзительное «кукареку», окончательно доказывая, что она – не призрак и не иллюзия. Зрители взвыли то ли от восторга, то ли от ужаса, а может, от того и другого сразу.

– Пусть боги сами дадут знак, кто победил, – срывающимся от волнения голосом проговорил Валтасар. – Чья жертва окажется угодной богу, тот и будет признан мною Верховным жрецом.

Жертвоприношение, устроенное главой служителей Мардука, было проведено со всеми полагающимися по этому случаю ритуалами. И уже очень скоро запах горелого мяса возносился к небу, сообщая небесному повелителю, что жертва готова к употреблению.

– Что скажешь ты? – Валтасар поглядел на своего ближнего советника.

– Если будет мне позволено построить здесь жертвенник по моему обряду, я готов.

– Повелеваю, да будет так, – склонил голову Валтасар.

Расторопные слуги принялись строить на площади новый жертвенник. Семь массивных камней, «ибо семь – число священное», как пояснил Намму, были положены вкруг. Внутри этот круг был заполнен до края известью – «ибо это красиво, а бог любит прекрасное». Драгоценное масло было многими кувшинами вылито на алтарь, «дабы усладить аромат божественной жертвы». Дрова из драгоценного мирта, сложенные колодцем, высились посредине, «ибо мирт есть древо вечной жизни. Тот же, кто обретает смерть за бога, обретает жизнь вечную». И наконец, молодой ягненок был возложен на жертвенник. Намму полюбовался своим изобретением, но тут же услышал нетерпеливый голос Валтасара:

– Давай! Что же ты?

– Не много умения в том, чтобы зажечь факелом дрова, – пожал плечами Даниил. – Пусть дадут мне полчана воды и полчана вина, и пусть смешают их на твоих глазах, о великий государь!

Валтасар кивнул, и его приказание было выполнено со всей возможной скоростью.

– А теперь, – Намму подошел к невиданному сооружению, возле которого с тяжелой емкостью в руках стояла пара царских слуг, – ЙаХаВа всевеликий и милосердный, – он воздел руки к небу, – если тебе угодна жертва сия, дай мне о том знак!

Пророк вновь поглядел на жертвенник и скомандовал:

– Лейте, только быстро!

Струя воды, смешанной с вином, обрушилась на негашеную известь, и слуги, бросив котел, едва успели отскочить вместе с Намму. Столб пламени с гудением взвился к небесам, начисто перекрывая чадающий огонь на жертвеннике Мардука.

– Можешь ли ты, – Даниил повернулся к Верховному жрецу, досадливо закусившему губы, – разжечь пламя водой и вином?

– Боги ясно высказали свою волю. – Валтасар поднялся со своего резного трона и сделал знак страже. – Гоните этого лжеца!

Глава 8

Парадоксально, но громоотвод никогда не отводит грома, но часто притягивает молнии.

Михайло Ломоносов

Будущее стремительно пронеслось перед глазами Намму и закончилось у отвесной скалы, откуда ярые приверженцы Мардука с радостными воплями сбросят его сразу же после первого богослужения. Если только Мардук, или же его собственный придуманный им бог, получивший имя ЙаХаВа, не одарят самозваного Первосвященника способностью летать. Неожиданное возвышение скорее всего может закончиться полетом недолгим и фатальным. Стражники, повинувшись словам царя, с некоторой опаской двинулись к ошеломленному жрецу, толпа возбужденно зашумела, не скрывая своего негодования...

– О великий царь! – Даниил сделал шаг к Валтасару, ясно понимая, что если он сейчас не возьмет инициативу в свои руки, то очень скоро чужие руки возьмут за горло его самого. – Позволь мне замолвить слово за того, кого твой гнев свергает наземь из поднебесья. Велика честь, которой ты одариваешь меня. Но скажи, разве не явил здесь мой соперник необычайных высот познания? Разве не выказал учености и преданности Мардуку? Разве Мардук не принял его жертву? Пусть же будет он и впредь тем, кем был до сего дня. Много ли будет проку от меня, если ступлю я в его чертог, прославляя своего бога?

На лицо Валтасара набежала тень. Ему и прежде доводилось разбирать споры между жрецами, однако же бог эбору был чужаком в его земле. Вернее, когда-то он увел сей народ из благословенного Междуречья, суля верным своим земли, где пастбища тучны, смоквы обильны, а реки текут молоком и медом. Теперь же, когда по воле Навуходоносора вновь пришел сюда народ эбору, вернулся и его бог. В том, что говорил Даниил, несомненно, был резон. Мудрость пророка могла сравниться лишь с чистотой души его. Пожалуй, никто бы из вавилонских жрецов, доведись ему столкнуть такого соперника со своего пути, не замедлил бы взойти на вершину духовной власти вавилонского царства.

– И все же побежденный должен дать удовлетворение победителю, – соглашаясь с доводами Намму, буркнул Валтасар. Он с детства недолюбливал Верховного жреца и был бы рад более не видеть его лица. Но Даниил был прав. Народ бы не потерпел эборея главным заступником Вавилона перед богами. – Что скажешь ты об этом?

У Намму перехватило дыхание. Богатства храма Мардука были несметны. Даже малой толики их хватило бы, чтобы безбедно жить, даже если боги отмерят ему век, столь же долгий, как правление древнего царя Гильгамеша.²³ Еще неделю назад он бы недолго думая назвал цену настолько высокую, насколько бы хватило дерзости его языку. Но сегодня, здесь, на этой площади он был не Намму, сын Абодара из Ниневии, а Даниил. Царевич и пророк не мог требовать денег с побежденного в состязании жреца! Скорбь и душевная боль отразились на лице Намму, точно выводок скорпионов заполз ему в сердце и теперь нежадно жалил.

– О великий государь! – преодолевая боль, медленно проговорил он, с ужасом осознавая, что иного подобного случая ему может не представиться. – Моих ли рук дело то, что ты назвал победой? Нет, лишь волею бога Единого одержал я верх. Мне ли принимать награду? Нет, отвечу я. Не мне, но Вышнему, чьей рукой я был ведом.

– Будь по сему. Твой бог, Даниил, нынче показал силу несравненную и попеченье о царстве вавилонском не меньшее, нежели Мардук. Так пусть же отныне и вовеки народ эбору воздает хвалу и приносит жертвы богу своему так же вольно, как ныне в Вавилоне славят Мар-

²³ Гильгамеш – царь Урука в Древнем Шумере, по преданию правил 126 лет.

дука. Что скажешь ты об этом... Верховный жрец? – Валтасар обратил свой взор на белого, точно одеяние его подручных, верховного жреца Мардука.

– Позволь мне уйти, государь, – прохрипел тот, едва проталкивая слова через сведенное внезапным спазмом горло.

– Иди, – милостиво разрешил царь Вавилона и тут же, забывая, кажется, о проигравшем, повернулся к победителю: – Доволен ли ты наградой, Даниил?

– Не мне, – проговорил Даниил, закатывая глаза, – но Богу награда твоя, о великий государь! Как зерно, брошенное в землю, восходит многими колосьями, так и тебе, истинно говорю, данное Всевышнему с радостью – вернется сторицею.

– Да будет так, – Валтасар поднял руки к небу, – боги мне свидетели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.